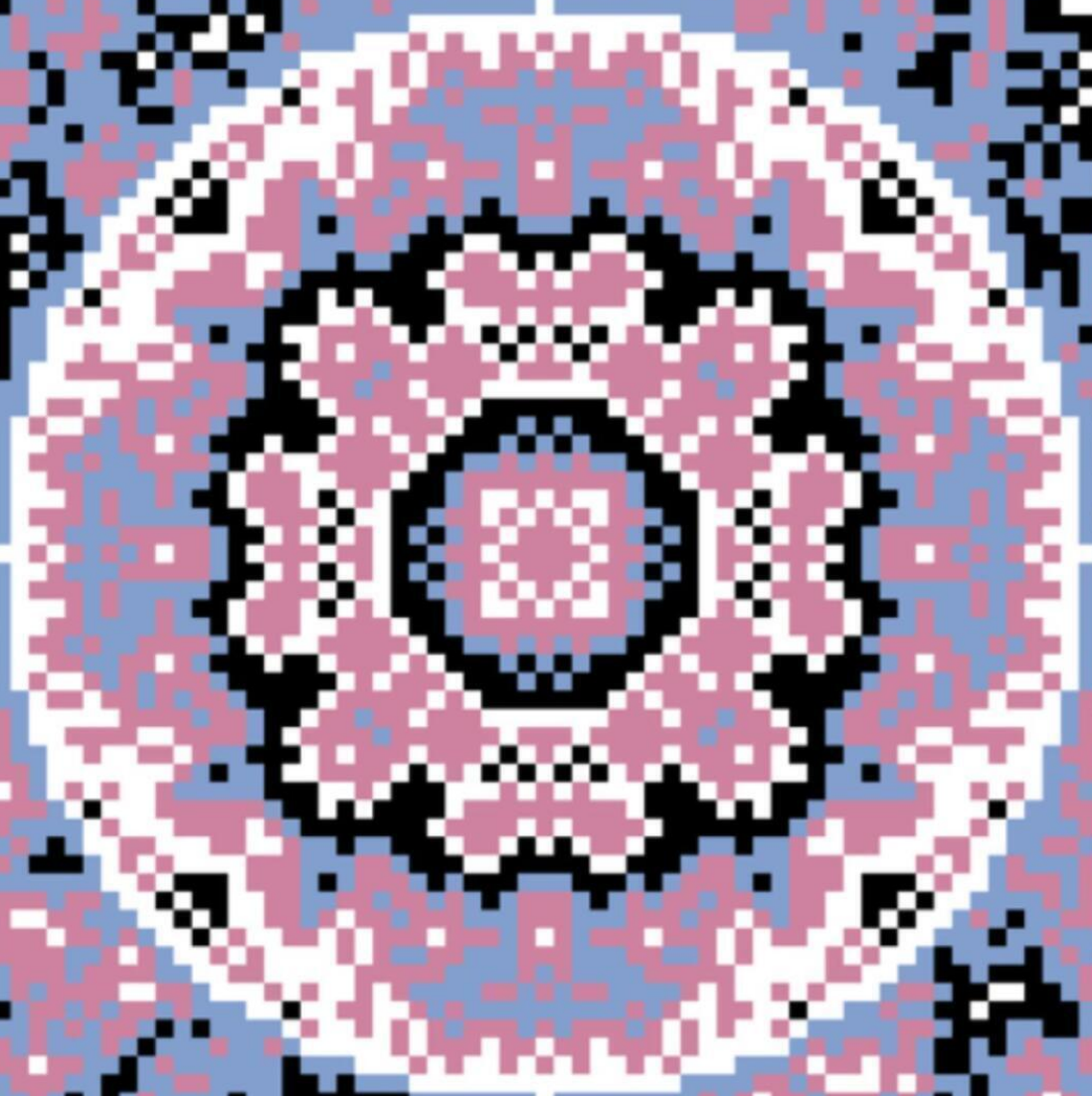

мерси шелтяи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДАУТИНА

18+

Мерси Шелли

Паутина

«Автор»

2023

Шелли М.

Паутина / М. Шелли — «Автор», 2023

Группа хакеров развлекается взломами от имени литературных персонажей, но одна из этих виртуальных личностей вдруг начинает вести себя слишком самостоятельно. И хотя спецслужбы дышат в затылок главному герою, ему удаётся выявить, что они скрывают: тайную организацию, которая моделирует поведение людей с помощью искусственного интеллекта и собранных в Интернете персональных данных. Роман «Паутина» написан в 1998 году, однако его действие происходит в будущем, которое стало для нас настоящим – и современный читатель может оценить, как сбываются прогнозы первого русского киберпанка.

© Шелли М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

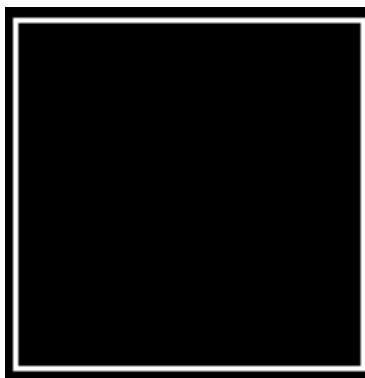
Предуведомление	5
Часть Первая: Робин Гуд	6
Клетка 1. Специалист по худлу	6
Клетка 2. Тетрис	12
Клетка 3. Хакер, первые игры	19
Клетка 4. Теория виртуальной личности	26
Клетка 5. Шаровая молния	29
Часть Вторая: Мэриан	43
Клетка 6. Прогулка	43
Клетка 7. Танец	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мерси Шелли Паутина

Предуведомление

1. Все персонажи данного романа являются плодом вашего собственного воображения. Напоминаем также, что первые публикации фрагментов «Паутины» состоялись еще в 1997 году, а в целом роман был закончен в 1998-м, и тогда же началась его публикация в Интернете. Если к тому времени, когда вы читаете этот текст, какие-то из описанных событий (*победа «идеального президента» из питерского университета, публикация кибер-поэмы Вознесенского, превращение сетевого трафика в модную музыку, использование арабскими террористами пчел, подключение к Сети через водопровод, патрулирование улиц российских городов войсками святназа, распространение в Сети искусственных интеллектов, не отличимых при общении от людей, климатическая катастрофа из-за китайских спутников, появление развлекательных серверов для кошек, захват Флориды кастристами, массовое увлечение «цифровой кислотой», открытие телеиммерсионного Диснейленда на Марсе, и т. д.*) действительно произошли – значит, эти события тоже являются плодом вашего воображения. Погуляйте хорошенько под дождем – может, и пройдет.

2. Авторы не несут никакой ответственности за измененные состояния сознания, которые могут возникнуть у читателей после разглядывания иллюстраций к роману. Подробно о психотропном эффекте данных картинок можно узнать, прочитав сам роман. Авторы благодарят программную оболочку CELL за помощь в создании этих иллюстраций.

Часть Первая: Робин Гуд

*в темноте
на верхней полке вагона
проснулся от крика
и слушая
как перестук колес
ткет одеяло
из тишины
понял
что никогда уже не узнаю
кто кричал —
я сам
или кто-то другой
или приснилось*
(Виктор Степной, «Голоса тишины»)

Клетка 1. Специалист по худлу

Что-то колет в левом боку... Все колет и колет...

Я окончательно стряхнул сон и повернулся. Движение отозвалось болью в висках. Вперед тебе наука: не пей кофе два раза подряд в одном и том же Нет-кафе.

Но как аккуратно научились работать, гады! Раньше бы с помпой, с дубинками, руки за спину, башкой об железную дверь. А теперь – прыснули какой-то гадостью, и все, вырубился. И даже не знаю, сколько так валялся...

А что же это там колется все-таки? Я пошарил во внутреннем кармане пиджака. Ага, в протоколе эти щупальца с переходниками назвали бы «универсальным устройством для нелегального подключения к Сети». Забавно: столько раз спал в одежде, и каждый раз какая-нибудь такая штука в кармане обязательно мешает лежать. Лет сорок назад, к примеру, была очень похожая коробочка с тремя выводами – только для мага.

Хорошо еще, что я зашел в Нет-кафе на обратном пути от Саида, а не по дороге к нему, когда в кармане лежал пакет такой травки, с которой можно было бы загреметь по крупному. Но теперь травка благополучно обменяна на этот сетевой микшер, помесь модема с новыми саидовскими примочками. А насчет нелегальности «каракатицы» можно еще поспорить. Станный он все-таки, Саид – денег не берет, но обожает обмен...

В двери пискнул замок, и в комнату вошел человек в серой форме.

– Проснулся, что ли? Пошли тогда... да пошевеливайся!

Комната, в которую меня привели, оказалась почти такой же пустой, как та, где я спал. Только с окном: одну из стен занимал большой голографический экран очень высокого разрешения. У экрана стоял крупный лысый мужчина и наблюдал бегущих антилоп.

Второй мужчина, в пиджаке, сидел за столом перед монитором поменьше. Тонкий и слегка вогнутый лист экрана висел в воздухе без видимой опоры, точно шелковый платок, то ли наклеенный на невидимую сферу, то ли просто сфотографированный в тот момент, когда его подбросил ветер. В сочетании сдвигающимися по большому экрану антилопами это вызвало странное ощущение. Нечто подобное бывает, когда долго стоишь на набережной и начинает казаться, будто качается не вода, а гранит под ногами. Здесь точно так же казалось, что реальным является мир по ту, а не по эту сторону экрана. Словно какой-то поклонник сюрреалистических инсталляций в духе Магритта вынес и поставил посреди настоящей, красочной

саванны кубик-голограмму со снимком из другого мира – серая комната с тремя застывшими вокруг стола людьми и одним платком, зависшим в воздухе над столом.

– Кто такой? – спросил пиджак, взглянув на меня, но обращаясь, очевидно, к лысому.

Лысый вынул из «дипломата» карточку-личку (ага, все-таки пошарили у меня по карманам!) и передал спрашивавшему.

– Якобы профессор. Бывший. Специалист по худлу.

Надо же, «по худлу». Как быстро слово заражает язык! Еще, кажется, вчера его не было, зато была «художественная литература». А потом вдруг раз! – и уже везде «худлы-худлы». А мы-то радовались в свое время – ну как же, Сеть, независимые публикации, всеобщие электронные читальни, всемирные архивы классики...

И главное, как незаметно это всегда подкрадывается, и совсем не оттуда, откуда ждешь. Помню, в школе обсуждали Бредбери, сколько-то там по Фаренгейту. Потом еще «Имя розы», где библиотека горела...

Оказывается, все проще. Никакого шума, никаких горящих библиотек. Просто это стало никому не нужно, безо всяких запретов и катастроф. Контент им нужен, Конь-Тент. Кристаллизация фактов, пьюрификация образов. Плюс все на скорости, на многоканальности – значит, надо успеть заманить, но не навязываться, шокировать – но не надоест. Цифр и зрелищ, и без занудства! Никаких тебе романов, поэм и пьес, только шутеры: короткий эротический эскиз, анекдот, подпись к картинке. В крайнем случае – интеллектуально-психологическое эссе-афоризм. Но и то не больше двух скринов подряд, потом снова «просвещение».

Позже они научились и сами шутеры нашпиговывать «просвещением»: где название-имя упомянут невзначай, где еще потоньше суггестия – фирменный цвет, лозунг и прочее нейролингвистическое программирование.

А все остальное – бред предков. «Худл», как выразился в конце века один журналист-жополиз из столичного дайджеста.

Но насчет сжигания ошиблись и жополизы, и Бредбери. В этом веке к мусору относятся с благоговением. Каждому мусору – свой ресайклинг. Вот и худл-архивы – идеальное сырье для программ, генерирующих шутеры. Да такие шутеры, что после них поневоле задумаешься: может, и впрямь сжигание литературных архивов было бы благом...

– Уснул, что ли, умник?! Отвечай, когда с тобой говорят! Где и как ты связался с Вольными Стрелками?!

– Остынь, Сема! И давай поспокойнее, не обижай уважаемого гостя, – одернул пиджаковый лысого, отрываясь от экрана, где мелькали страницы моего персонального файла.

– Куда уж спокойнее, когда эта зараза, Малютка Джон, до сих пор на свободе!

Лысый подскочил ко мне и изо всех сил вцепился в край стола. Его полированная голова зависла прямо у меня перед носом, и я невольно восхитился тем, какая она гладкая и блестящая. На такие лысины нужно обязательно вешать табличку «Руками не трогать».

– Если бы нормальный хакер был, кем-то обиженный, с какой-то особой целью бомбил, это понять можно! – гремел лысый. – Даже сумасшедший Монах Тук – тот хоть религией свои выходки оправдывает, в дискуссии вступает. Говорят, он больше не трогает тех, кто правильно ответит на его вопросы. А этот громила Джон – он же просто развлекается! Я был еще спокоен, когда он сорвал телеконференцию в «ЦЦЦ&Ц». Все-таки не мы их обслуживаем. Да и правда смешно было: парень на три часа обесточил их главный офис с помощью старинного кипятильника! Просчитал нагрузку на электросеть и включил обыкновенный кипятильник в обыкновенную розетку в смежном помещении. Все порталы хохотали. Но когда он наш банк данных... это же какая наглость! Двадцать человек с утра до ночи пашут в отделе безопасности, отсекают самые тонкие возможности влезть в систему – а эта сволочь под видом уборщика приходит во время обеда в мой собственный кабинет, посыпает каким-то порошком клавиатуру

туру... И на следующий день логинится с моим собственным паролем! Нет уж, я их всех пере-душу! С этого старикашки начну, Малютка Джон будет следующим!

Несмотря на всю серьезность угрозы, я не мог скрыть смехок. Лысый замахнулся, но пиджаконвый остановил его властным движением руки.

– Да чего ты с ним нянчишься! – Лысый подсел к столу рядом с пиджаконвым. – Он же издевается, смотри!

Но пиджак, похоже, истолковал мою усмешку по-своему.

– Отнюдь, – возразил он, глядя на меня.

– Отнюдь нет, – сказал я.

– Что?!

Мои первые слова произвели впечатление: оба безопасника открыли рты и на мгновение стали похожи на рыб. Антилопы продолжали бежать по экрану, и я опять ощутил себя частью трехмерного снимка, который поставили посреди дикой Африки.

– «Отнюдь» – так не говорят, это все равно что «вовсе». Правильно говорить «отнюдь нет». Бунина почитайте.

– А-а, вот вы о чем, – пиджак тоже улыбнулся. – Ну, это вам виднее, вы же у нас профессор. И ваша улыбка вовсе не издевательская, правда же, Виктор э-э... Франкович? Вы просто подумали, что сами вы в этой игре – мелкая сошка, и нам все равно от вас никакого толку. С другой стороны, Вольные Стрелки обязательно отомстят за вас. Так?

Я неопределенно пожал плечами.

– И в чем-то вы правы, – кивнул пиджак. – Вы уж Сему извините, он любит на первого попавшегося все валить. А вы ведь совсем другого профиля специалист, это понятно. Поверите ли, до того, как сюда попасть, я работал в отделе просвещения одной компании...

– В отделе рекламы, – уточнил я.

– О, это устаревший термин, и не совсем корректный с учетом современного подхода. Мы, знаете ли, теперь говорим «просвещение». Но это неважно, дело привычки. Я лишь хотел сказать, что мы с вами в некотором смысле коллеги. Я по долгу службы тоже много времени проводил в худл-архивах, отбирал яркие выражения для наших... э-э... просветительских программ. Помню, в ролике о системах офисной противопожарной сигнализации очень хорошо подошло это... как же там было?... Ага, вот: «Рукописи не горят!» Должен признать, что работники современных просветительских организаций редко могут создать слоган столь лаконичный и в то же время берущий потребителя за самую душу. Так что я в определенной степени разделяю ваши привязанности.

– Но сейчас о другом разговор. – Пиджак встал и прошелся вокруг стола. – Мы очень интересуемся группой Робина. Сема тут покричал перед вами... Горячий он у нас, молодой. Да и на Малютку Джона у него зуб. Но мы же понимаем, что все эти акции происходят по команде жоака. А он, Робин ваш, оч-чень хорошо скрывается. Выскочит где-нибудь с речью, потом неделя студенческих волнений и скандальных заголовков в прессе, а его и след простыл.

Хотя кое-что у нас есть и на него. – Пиджак подошел столу, полистал что-то на мониторе, двигая пальцами в воздухе. – Даже о его связях с «Неко-8» и прочими зарубежными покровителями мы знаем достаточно. Знаем, что именно к Робину тянутся ниточки недавнего скандала вокруг компании «Аутлайн», где замешана леди Орлеанская, которая уже многих так облапошила. Однако мы и в этот раз не смогли взять ее с поличным. Уж очень тонко она водила за нос бывшего босса «Аутлайна». Оказалось, что она даже никогда с ним не встречалась вживую. Мол, «ваша тонкая душа лучше проявляется в письмах», «я так боюсь разочароваться» и прочая подобная лапша – но черствый коммерсант от этого расклеился, как пятнадцатилетний мальчик. После двух месяцев такого подогрева она неожиданно дала ему согласие на какой-то особый вариант дистанционного секса. В результате этот ошастливленный болван рассказал ей все, что только мог. А сам даже не понял, что с ним было и с кем он этим занимался

– то ли с самой Орлеанской, то ли с дюжиной подставных компфеток. Конечно, специалисты могли бы быстро разобраться по горячим следам. Но «Аутлайн» обслуживаем не мы, у них собственная служба безопасности. А это, сами понимаете, не способствует прогрессу: каждая компания старается скрыть от конкурентов свои провалы...

– И зачем ты ему все это рассказываешь?! – не выдержал опять лысый.

Теперь пиджак только взглянул на него, и тот снова сел.

– Я вот почему все это вам рассказываю, Виктор Франкович. Я предлагаю вам, так сказать, войти в наше положение. На гуманных условиях добровольного сотрудничества. Вы Сему не слушайте. Нам совсем ни к чему ваше тюремное заключение – которое вы, кстати, можете легко получить даже за такой пустяк, как хранение в своем кармане устройства для получения несанкционированного доступа к Сети. Но нам, повторяю, совсем не хочется обижать такого уважаемого человека. Хотя мы могли бы наполнить вашу жизнь изысканными неприятностями... Знаете, это порой хуже тюрьмы. Особенно в вашем возрасте. Вот у вас тут написано – давление не очень. Наверное, можете погоду предсказывать? За полчаса до дождя голова начинает раскалываться, верно?

– Дождей уже давно не было, – заметил я. Голос все-таки дрогнул.

– А дождь тут и необязателен, – снова улыбнулся пиджак. – Теперь чудеса науки позволяют сделать в вашей голове постоянное предгрозовое состояние даже в самый сухой сезон. Но это я так, к слову о возможностях. Надеюсь, нам больше не придется обсуждать такие темы. Мы предпочли бы цивилизованное и взаимовыгодное сотрудничество. Поверите ли, нам даже уничтожение группы Робина невыгодно. Все, что нам нужно – лишь немного информации. С небольшим опережением знать о готовящихся акциях Вольных Стрелков, вот и все. Вполне возможно, мы даже не будем их останавливать. Такие вещи, как провал конференции «ЦЦЦ&Ц» или скандал с «Аутлайном», иногда даже на руку нашей компании.

– А мне-то как: на руку, с руки или по рукам? – спросил я.

– В долгу не останемся, – кивнул пиджак. – Вы ведь случайно с ними связались, не правда ли? Захотелось слегка потряхнуть стариной, понимаю. К тому же... – пиджак бросил взгляд на экран, – к тому же после ухода из Университета вы – безработный. А жить на что-то надо, ясное дело. Да и самому наверное хочется снова по Сети погулять, молодежь уму-разуму поучить. Ну так мы можем вам собственную передачку организовать, а? Уж это явно лучше будет, чем пользоваться сомнительными устройствами, вроде того, что у вас в кармане. А то хотите, устроим вас обратно в Университет, где вы раньше служили. Я знаю, у вас там вышел конфликт, но это же легко улаживается. Тем более что сейчас там снова нужны специалисты по разным... э-э... древностям. Ценности прошлых веков, они еще могут послужить делу просвещения, да-да! Хотя конечно время идет, все меняется, и выясняется, что прав...

– Минздрав, – не выдержал я.

– Что?

– Да так, старинная рифма. В Университет – вряд ли. А насчет передачи... можно обдумать.

– Вот и славно. До встречи!

На улице таяла ночь. Мокрый снег хлюпал под ногами, а я шел и не знал, смеяться мне или срочно смываться из города. Смех смехом, но как далеко все зашло!

И все-таки удивительно: никогда не знаешь, кто из них приживется лучше. «Малютка Джон» – грубый черновик, первый опыт, дешевые хакерские трюки. «Орлеанская» и «Монах Тук» – тоже на паре бутылок пива сделаны. Зато каким популярными стали эти трое! А над «Робином» столько думал, подбирал материал, медитировал с «Духом Охотника»... Ну и где эта гроза Шервудского леса?

Нет, положительный эффект конечно есть. Но замедленный, не связанный с действиями Робина столь явно. Так что этому герою не стать народным, в отличие от прототипа. А теперь еще придется перестраиваться, учитывая ультимативное предложение «посотрудничать» с самой крупной в городе службой безопасности. Подумать только – «Наш человек в Гаване» был моим любимым романом в институте! Но для верности стоит, пожалуй, слазить в Британский архив старика Грина. Заодно «Комедиантов» перечитаю.

В любом случае, встреча прошла очень даже плодотворно. Вот и «Неко-8» снова вспомнили... Интересно, что за люди эта «Неко»? Надо бы связаться – название располагает.

Пока меня не было, тротуар перед домом успел полностью очиститься от сугробов. Зато на клумбе у моего подъезда появился маленький снеговик. Он таял, глаза стекали вниз черными ручейками. Смешные руки-палочки были широко расставлены в стороны, словно снеговик не хотел подпускать меня к подъезду. Я выбросил окурок и приостановился, разглядывая нелепую фигурку.

Что-то белое мелькнуло перед глазами, раздался звонкий удар о землю, и меня задело чем-то по лодыжке. Пару секунд я стоял как вкопанный, потом огляделся. Снеговику снесло голову, а вся асфальтовая площадка между мной и дверью подъезда была усыпана ледяными осколками. Ледышки причудливо мерцали, наполненные лунным светом. Безголовый снеговик все так же бодро держал руки в стороны, загораживая проход в опасную зону.

Высоко вверху, на карнизе крыши, в огромной челюсти из полутораметровых зубов-сосуллек виднелась приличная прореха как раз над входом в подъезд. В прорехе, под самым карнизом, чернело одно из чердачных окошек, похожее на бойницу.

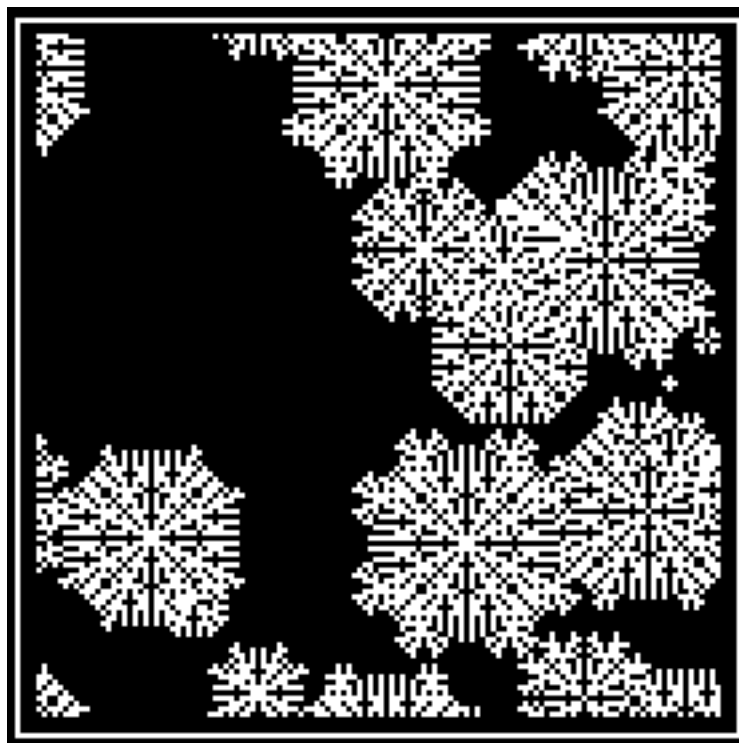
Сразу после грохота сосульки сделалось очень тихо, и в этой звонкой тишине неожиданное ощущение открытости перед окружающим миром накатило на меня, как волна на кеды задумавшегося туриста, который вдруг очнулся и вспомнил, что сидит на берегу моря. Это ментальное откровение принесло и страх, и радость одновременно; чувство близкой опасности – и в то же время ощущение выхода за пределы той игры, которую я вел последние годы.

В моем разговоре с агентами была прореха, которую я заметил только сейчас. Не будь ее, все было бы понятно. Все шло бы своим чередом, даже с учетом того, что я стал бы сотрудничать с ними. Если бы не одна деталь.

Кто-то грохнул «Аутлайн», к которому я давно и безуспешно подбирал ключи. И, судя по рассказу того типа в пиджаке, грохнули именно так, как это должна была сделать моя «Орлеанская».

Но я не посылал туда свою «Орлеанскую». Я только планировал это сделать!

Тем не менее, как ни будоражила мое воображение эта нестыковка, я вошел в квартиру с четкой мыслью, что сегодня никакие загадки разгадывать уже не буду. Я еле стоял на ногах и вдобавок замерз. Так что сейчас – в душ и в кровать. То, чем меня обработали в Нет-кафе, наверняка называлось «снотворным», но проваляться несколько часов под наркозом и в одежде – вовсе не значит выспаться.

Клетка 2. Тетрис

«Тетрис», как и многие заведения подобного рода, сильно разросся во время Второго Бума, стартовавшего где-то в 2011-м, вслед за десормизацией отечественной Сети. Теперь знаменитое Нет-кафе занимало весь двухэтажный домик. Я не пользовался им последние два года – как самое известное, оно и прослушивалось всегда лучше всех. Но сегодня, пожалуй, начнем именно оттуда. Я шпион, мне скрывать нечего. Ха, ничего себе каламбурчик!

Тем не менее, в кармане пиджака, рядом с моей личкой лежал еще один пластиковый прямоугольник, полученный от лысого при уходе. В углу карточки стоял голографический ромбик-логотип с собачьей мордой и подписью: «Агентство безопасности АРГУС». Больше на карточке никаких надписей не было, если не считать того, что сама она была чипом с неизвестным содержимым. Минимум – визитка, максимум... посмотрим.

Со стороны «Тетрис» напоминал станцию метро: бетонная арка входа, неоновая буква «W» над дверью. Но сначала человеку, идущему с Лиговского, открывалось другое: на крыше здания, в проеме между окружившими «Тетрис» четырехэтажками, стояло огромное голографическое изображение Иисуса Христа. Голова Иисуса торчала над крышами четырехэтажек, словно голова ассенизатора, высунувшегося из канализационного люка. Над головой парил блестящий обруч. Печальные глаза Спасителя таранились вверх с надеждой, руки тоже были подняты, как бы приветствуя надевание обруча на голову. Из рта периодически вылетала и повисала в небе надпись:

«Со мной войдете в Царствие Небесное! ОРЕОЛ-ТЕЛЕКОМ».

Сразу за дверью кафе меня встретило новшество: огромный деревянный ящик с надписью «Почта». Рядом красовался ларек с письменными принадлежностями всех времен и народов. Надо же, следят за веяниями: среди старожилов Сети стало модно посылать друг другу письма обычной почтой. Или не самой обычной, но с высоким качеством имитации: кидаешь конверт в ящик, через две минуты точная копия из эльбума падает в почтовый ящик адресата. Хотя настоящие снобы все-таки дожидаются прибытия оригинала на рисовой бумаге.

Я подошел к ларьку – девушка-продавщица приветливо улыбнулась из-за прилавка и даже чуть больше выпятила грудь. «Занимательная графология», «Каллиграфия для чайников», «Искусство арабской вязи», «Иероглифическое письмо вчера и сегодня». А что, неплохая мода. Мне вспомнился недавний случай в аэропорту. Я хотел записать только что сочиненное стихотворение, а электронная записная книжка осталась дома. Ручку я все-таки нашел в кармане, но бумаги не было никакой. Я обошел тогда весь аэропорт: в автоматах предлагались журналы, диски, компьютерные игрушки, сувениры... Можно было составить гороскоп, вычислить идеального партнера, вылечить зубы и почистить ботинки, поесть и выпить, сходить в туалет и в Сеть – но нигде нельзя было приобрести обычного бумажного блокнота! Пришлось пойти в Нет-центр и отправить самому себе электронное письмо.

– А глиняную табличку у вас можно заказать? – поинтересовался я.

– Н-нет... – Девушка запнулась, не поняв шутки, но быстро сориентировалась: – Китайскую тушь не хотите попробовать?

В витрине под ее рукой лежали черные каменные тушечницы и короткие чернильные брусочки. Я собрался было отойти, но мое внимание привлекли две кисточки. Совершенно одинаковые, они лежали рядом, но под одной было написано «8еу», под второй – «80еу».

– А в чем разница? – поинтересовался я, показывая на «близнецов».

Потухшая было девушка оживилась: похоже, в ее глазах я наконец-то блеснул более верными симптомами потенциального покупателя.

– Одна обычная, бамбуковая. Вторая со сканером.

– Как это?

– Ею можно рисовать, как обычной, но весь рисунок записывается в память. Взяли в руки – запись пошла, отпустили – конец файла. Питается от тепла руки.

Девушка раскрутила рукоятку кисточки и вытряхнула на ладонь металлический цилиндр:

– Вот тут все рисунки и лежат, очень удобно. Знаете, настоящие кисточки для суми-э хоть и модней, но все-таки не для масс. Обычный современный человек просто не может привыкнуть к факту, что его рисунок останется лишь в одной копии на бумаге. Случайная клякса, ошибка в адресе письма – а все, пиши-пропало. Потому и сделали такую промежуточную версию. Очень хорошо покупают.

– Да, такое не только массам понравилось бы. Знаете, что однажды приключилось с Леонардо да Винчи? Он был большим любителем экспериментов, и как-то раз нарисовал одну из своих мадонн особыми новыми красками. Очень долго рисовал. А когда поднес полотно к огню, чтобы посушить – краски, вместо того чтобы сохнуть, размякли еще больше и стекли вниз.

– А эту и в краску макать не надо! – на свой манер отреагировала продавщица, вытряхивая на ладонь второй цилиндр из полой ручки кисточки. – Тут как в капиллярной ручке: тушь прямо в волоски идет вот из этого... Или нет, вот из этого тушь идет, а в этот рисунок записывается... Ой, я никак опять забыла, какой из них какой! Ну так что, будете брать?

– Хм-м... Боюсь, у меня с собой не больше полтинника.

– А и не надо! Вы спутали! Это обычная, бамбуковая кисточка стоит восемьдесят. Штучная работа китайского мастера. Ну и шик редкий, особенно для Новых Нетских.

– Все Новые Нетские – это хорошо забытые Старые Датские, – подмигнул я.

Теперь продавщица улыбнулась довольно натурально:

– Это вы верно подметили! Мой парень, он тоже из НН, в прошлом году на день рождения подарил мне новую ролевою игрушку. Сказал – последний писк эротических RPG. А называется «Давка в троллейбусе N7». Моей маме одного названия хватило, целый день хохотала. А с общением у НН еще смешнее – постоянно язык жестов, словно так не могут сказать! Он и меня этому учит.

Девушка сложила руки лодочкой и сделала быстрое движение ладонями, разведя их в стороны: словно две рыбки вынырнули из воды и снова пропали. Красиво! Я ожидал увидеть что-нибудь из стандартного языка глухонемых, а оказалось – из индийского танца.

– Кажется, в Кама-сутре был такой раздел, посвященный жестам, – заметил я.

– Верно, это оттуда... – Девушка смутилась и опустила руки. – Я же ему говорила: это не чистый пост-кибер! Компьютеры могут распознавать жесты. Вот и вы наверняка уже видели такой софт, раз поняли мой знак. А какой же это пост-кибер тогда?

Я хотел было сказать, что настоящий пост-кибер – это человеческое умение тормозить, потому что компьютеры и линии связи в последнее время довольно быстры. Но не сказал: вдруг она на свой счет примет?

Девушка словно бы прочла мои мысли и снова вспомнила о работе.

– Так что, возьмете эту, со сканером? Она всего восемь. Полный набор с тушечницей – пятнадцать.

Я расплатился, сунул коробочку во внутренний карман пиджака и двинулся дальше, к главной стойке.

Внутри «Тетрис» не особенно изменился за последние годы. На стенах – все те же гипсовые барельефы со зверями и фруктами, что висели здесь в девяностых. Над стойкой за спиной бармена – все тот же кусок эльбума с нарочно рваными краями: стиль первого десятилетия. И даже фото на этом цифровом панно никто так и не перегрузил – все та же классическая кар-

тина времен УСОРМа: «Суд над библиотекой Мошкова за систематическое нарушение закона об авторском праве». Вероятно, таким образом здесь показывали, что хранят традиции.

Несмотря на будний день, народу было много. Кажется, зря пришел. Все кубики наверняка заняты, раз столько ожидающих. Бармен незнакомый, белобрысый, и гораздо моложе моего приятеля Андрея, который работал здесь раньше. Впрочем, за пару лет их могло смениться и больше: службе безопасности выгодно, чтобы они почаще менялись.

Пока я подходил, бармен успел взглянуть на меня с сомнением. Но тут же сменил гримасу, и когда мы оказались друг напротив друга за стойкой, в меня целились глаза внимательного слушателя и добродушная улыбка старого приятеля.

– Добрый день! Желаете кубик на пару часиков? Или полный контакт? Недавно поступили французские комбинезоны «Э-ротик», незабываемые ощущения!

Молодец, парень! Двадцать с лишним лет эту страну учат манерам сервиса, а воз и ныне там. Улыбки вроде научили натягивать, но вот взгляд, обращение – так по-прежнему и вылезает «ну че тебе?» А этот сразу переключился. Правильно, предлагать надо любезно и сразу самое дорогое! Мало ли чего папаша захочет, как бы он ни выглядел. Может, он всю жизнь деньжат заколачивал, а на старости лет решил с компфетками побаловаться.

Мою заминку с ответом белобрысый принял за стеснительность новичка-пуританина. И, понизив голос, продолжил:

– Если заказываете комбинезон у нас, глушение вашего чипа верности – за счет заведения. Гарантированное глушение всех гражданских и даже некоторых военных моделей...

– Спасибо, но боюсь, вы меня не так поняли... Я просто давно здесь не был. Раньше здесь работал мой знакомый, Андрей. Он помнил мой обычный заказ. Я ему просто делал знак, когда входил, и все было ясно...

Белобрысый поглядел по сторонам, наклонился ко мне поближе и заговорил еще тише:

– Если вы насчет «диоксида» – у нас это дело прикрыли. После того, что с Андреем случилось. Я лично думаю, что это был несчастный случай. Но люди говорят разное, а заведению такая слава ни к чему. Другое дело, если вы сами... К Сети у нас полный доступ четвертой степени, можно многое найти. А за содержание материалов, найденных клиентом в Сети, администрация ответственности не несет. Могу рекомендовать по крайней мере два портала, где...

– Мне нужен обычный кубик на час, – отрезал я. Вся эта услужливость, незаметно переходящая в навязчивость юного наркодилера, начала меня раздражать.

Теперь, когда желания клиента оформились во вполне легальный заказ, бармен расслабился и взглянул на монитор под стойкой.

– Сейчас, к сожалению, все кубики заняты. Минут двадцать придется подождать. Рекомендую пока попробовать наши фирменные коктейли. «Хакнутая Мэри» особенно популярна в этом сезоне, но настоящие гурманы по-прежнему предпочитают «Вебмастера и Маргариту». Синтетики не держим, все натуральное!

– Кофе. Двойной без сахара.

Приняв заказ, белобрысый с гораздо большим энтузиазмом переключился на двух молодых людей, подошедших вслед за мной. Кто-то спустился со второго этажа и направился к выходу. Бармен сделал знак одному из ожидающих, а я двинулся к освободившемуся столику. Однако быстро у них тут теперь! Прямо Нет-бистро какое-то.

Впрочем, этого и следовало ожидать. Столько лет прошло со времен «Правцов», «Синклеров» и фидошных нод. Двадцать лет назад все упиралось в пропускную способность каналов, теперь – в пропускную способность человека. Тогда какой-нибудь юнец весь день сидел-качал порнографические картинки; сейчас комбинезон «Э-ротик» – вот уж действительно электронный рот – так выжмет его за полчаса, что он неделю на баб смотреть не сможет.

И это еще при блоках-ограничителях. Их стали в обязательном порядке ставить на все подобные игрушки после того, как в 2013-м в крупнейшем амстердамском кибер-борделе самообучающаяся программа убила за один вечер трех извращенцев сразу. Вездесущий Кузнецов-старший откликнулся на это сразу тремя статьями – «Селедка под шубой», «Смерть в собственном соку» и «Жаркое по-амстердамски». Чисто текстуально эти статьи не совпадали ни по одному предложению, но во всех трех известный культуролог припоминал сетевую поговорку «Анекдоты – это русский секс» и в связи с этим намекал, что от вернеровского робота «Мистер Смех» тоже надо ждать сюрпризов.

Увы, «Мистер Смех», со всей его изошренной обратной связью (прослушивание и суммирование громкости смеха пользователей во время чтения каждого анекдота) так и не дал Кузнецову материала для статьи «Надорванный животик». Хотя поговаривали, что анекдотный робот временами вызывает в Москве странные эпидемии икоты, периодичность которых хорошо накладывается на фазы Луны, а главный анекдотный сервер падает аккуратно в моменты автомобильных пробок на МКАДе. Но Москва всегда была городом причудливой синергетики, особенно в конце лета, и таким мелочам там никто не удивлялся.

Добраться до свободного столика в «Тетрисе» всегда было непросто, а сегодня здесь царил и вовсе дикий хаос. Для начала я с трудом пролез через компанию кожно-металлических технопсихов. Или технопсов, если пользоваться их собственным термином. Технопсы размахивали пивными кружками и шумно спорили о том, какой сетевой интерфейс для мотоцикла наиболее крут и удобен. Похоже, намечалась драка между поклонниками аудио-визуального и фанатами тактильно-педального. «Иди торгуй вебелью!» – крикнул кто-то в мое левое ухо; с другой стороны возникла мозолистая рука, показывающая неприличный жест, и мне сразу стало ясно, где какая фракция. Тоненькая и тоже зашитая в черную кожу блондинка пыталась помирить спорящих мужчин, в десятый раз выкрикивая на все кафе, что «главное это хороший шлем». Ее никто не слушал.

Дальше за одним из столиков одетый с иголки мужчина рисовал что-то на салфетке. Я бы не обратил на него внимания, если бы не странные штуки, которые он проделывал головой – легкие кивки вперед-назад, потом еле заметное круговое движение, и снова кивки. Несколько разрисованных и скомканных салфеток валялись перед ним на столе, и одна под стулом. Проходя мимо, я разглядел, что на всех салфетках повторяется один и тот же узор. Что-то вроде тибетской мандалы, прорисованной очень детально, но с заметной потерей симметрии. Кажется, эта асимметрия и была причиной повторения рисунков: мужчина старался нарисовать идеальную мандалу и нервно отбрасывал испорченные салфетки, одну за одной.

Ага, вот что значит: «За содержание найденных клиентом материалов администрация ответственности не несет.» Интересно, выкинут этого дядьку или пустят еще на один сеанс в Сеть? Наверное, пустят – выглядит прилично, деньги платит... И кому какое дело, что клиент башкой вертит и салфетки разрисовывает.

Сам собой вспомнился вчерашний разговор с агентами «Аргуса», когда я отказался возвращаться в Университет. Сейчас, после всеобщей победы имагологии с ее «просвещением», там действительно нечего делать. Но раньше это было чудное место. Сеть только-только зарождалась, и даже мы, первопроходцы, не столько учили студентов, сколько учились друг у друга. Посещение лекций коллег стало для меня хорошей привычкой. На одной из таких лекций, в курсе «Социальной защиты» Чарли Хопфилда, я и узнал историю диоксида.

Первые такие программы появились еще на заре компьютерной эры, когда и самих компьютеров, по большому счету, не было. И никто не думал, что из этого родится цифровой наркотик: как и во многих подобных историях, дорога в Ад была вымощена мощами. Один из отцов кибернетики Джон фон Нейман, пытаясь смоделировать самовоспроизведение биологических клеток, описал гипотетический «клеточный компьютер» в середине 60-х. Через

несколько лет математик Конуэй, большой любитель интеллектуальных головоломок и развлечений, придумал эффективное правило для «клеточной машины», которую назвали «Жизнь».

Игрушка вызвала настоящий бум в околокомпьютерной среде. Биология и математика отошли в сторону: для многих это был лишь алгоритм, рисующий забавные узоры. А правило его было настолько простым, что программу мог написать любой школьник. На поле, подобном листу из тетради в клеточку, помещали несколько «живых» клеток (крестики). Остальные клетки поля считались «мертвыми» (нолики). На каждом такте времени каждая клетка могла менять свое состояние в зависимости от состояния соседних восьми клеток. Если вокруг одной «живой» оказывалось более трех или менее двух «живых» соседей-крестиков, клетка становилась ноликом: «умирала от тесноты или от одиночества». Если же рядом с «мертвой» клеткой находилось ровно три «живых» соседа, там рождалась новая «живая» – нолик менялся на крестик. Во всех остальных случаях состояние клетки не менялось.

На экране компьютера «живые» клетки превращались в светлые точки, «мертвые» – в темные. Бросив на поле несколько «живых» клеток и запустив программу, обновляющую все клетки в параллельном режиме с большой скоростью, можно было наблюдать причудливые, непредсказуемые картинку, которые образовывала растущая колония.

В восьмидесятые годы не было, пожалуй, ни одного программиста, который не был бы знаком с «Жизнью». По ней писали математические диссертации, философские эссе и фантастические рассказы. Экспериментаторы не ограничивались двумя состояниями клеток – на смену черно-белой Life пришли цветные «клеточные машины». Теперь любая клетка могла находиться в одном из тысяч состояний-цветов, а правило «общения» клетки с соседями можно было самостоятельно менять, пробуя все новые и новые формы электронного калейдоскопа.

Но и здесь было еще далеко до «цифровой кислоты». Шум вокруг «Жизни» постепенно улегся. «Клеточные машины» осели в лабораториях физиков и биологов, моделирующих природу, а также были взяты на заметку любителями оригинальной компьютерной графики. В один из дождливых дней конца 90-х французский математик Вербицки сидел дома, раздумывал над очередной статьей и разглядывал узоры скринсейвера на экране своей персоналки. В отличие от Конуэя, Вербицки был не только математиком, но и большим любителем экспериментов с психикой. Выключив компьютер и отправившись спать, он заметил, что клеточный калейдоскоп скринсейвера подействовал на него как-то странно. Симметричная мандала продолжала стоять перед его мысленным взором. И не просто стоять, как было бы с обычной картинкой – разноцветный ковер продолжал расти по тому же закону, но уже не на экране, а прямо в этой мысленной проекции, как бывает иногда в снах, продолжающих дневные впечатления.

Вербицки не поленился изучить материалы двадцатилетней давности и был вознагражден за труды. В одном из выпусков *Scientific American* он нашел статью, где сообщалось, что узоры некоторых «клеточных машин» удивительно точно воспроизводят видения, наблюдаемые под большими дозами ЛСД. Для мятущегося духа Вербицки этого было достаточно. Он забросил работу в математическом институте и занялся экспериментами с «цветастыми коврами».

Свои исследования он держал в секрете. И возможно, загнулся бы в неизвестности – если бы его не забрали в психиатрическую лечебницу в 2007-м. В отместку за это жена Вербицки отсканировала рукопись книги «*Digital Acid*», которую ей передали от мужа из больницы, и послала это «письмо счастья» в 33 крупные сетевые конференции.

Через год *D-Acid*, или, как его называли в России, «диоксид», распространился с помощью Сети по всему миру, вытеснив даже «микроскоп» – самый популярный галлюциноген того времени. Перенос клеточного алгоритма диоксида в трехмерку как будто ничего не давал; зато ходили слухи, что музыкальная «клеточная машина» в сочетании с цветовой приближает экспериментатора к сумасшедшему дому гораздо быстрее, чем цветовая в отдельности.

– Ваш кофе... сэр! – Белобрысый стоял передо мной с подчеркнуто-вежливым выражением лица.

– Может, попробуете пока комбинезон? Как раз освободилось место...

– Спасибо, я лучше посижу. Мне доклад сейчас делать, надо сосредоточиться. – На всякий случай я многозначительно подмигнул.

Бармен с понимающим видом ретировался. А я стал разглядывать пару, только что вышедшую из кубиков. Похоже, они пришли вместе и взяли кубики на одинаковое время. Но отдельно друг от друга – видно по лицам.

Я люблю разглядывать лица людей, вышедших из Сети. Это вроде игры: нужно угадать, что они там делали. Насчет девушки все ясно. Лицо – покрасневшее и обмякшее, на груди – два мокрых пятна почти правильной круглой формы, в них еще два пятнышка, потемнее. На фоне идеально-белой футболки это смотрится, как два глаза – не столько эротично, сколько комично. Впрочем, это скорее защитная ирония – девица-то занималась сексом с машиной, а не со мной!

А вот что парень там делал – это сложнее. Говорят, лица людей, выходящих из кубиков, напоминают лица зрителей, выходящих из кинотеатра. Это не всегда верно. Ведь кино – законченное произведение: пережил эмоции и пошел домой. Вот как девица эта. А у парня выражение другое: он еще там, в его мозгу еще продолжается начатый в кубике процесс. И лицо его сейчас – неприятная восковая маска безо всякого выражения. Хотя интересно, почему это самое «безо всякого» воспринимается окружающими как нечто неприятное?

Мне вдруг вспомнилось, что точно такое же лицо – но только у меня самого – часто замечала Рита. И всегда спрашивала: «Что-то случилось?» «Да ничего, я просто думаю...» – отвечал я. Но каждый раз, когда она видела меня таким, она снова и снова задавала этот вопрос.

Возможно, если бы у меня всегда было такое лицо, она не реагировала бы так встревожено. Ведь когда мы познакомились, я был другим. Она целый день присматривалась ко мне, думая, что я клоунничаю, выделываюсь, пытаюсь ее очаровать. Вечером того дня она шептала: «А ты ведь на самом деле такой... а я думала, ты играешь!» И я действительно был «таким», таким и остался. За исключением некоторых случаев, когда крепко приросшая маска все-таки спадала.

Первый раз Рита заметила меня «без лица» через месяц после нашего знакомства. Ночью она проснулась и незаметно вошла на кухню, где я сидел над диссертацией. Обернувшись на шорох, я улыбнулся – но она подошла ко мне, словно чем-то напуганная, и серьезно спросила, все ли в порядке. Напрасно я убеждал ее, что со мной все хорошо. «Не обманывай, пожалуйста. Зачем ты от меня что-то скрываешь? У тебя было такое лицо... Такое... как будто это не ты, или как будто ты умер!» – она готова была заплакать. Чтобы успокоить ее, я соврал, что один из моих выводов оказался ложным, нужное мне слово происходит совсем от других корней, и поэтому я немного расстроен.

Позже я и сам заметил, что, занимаясь умственной работой, я обычно стараюсь как можно сильнее изолироваться от посторонних взглядов. А после нескольких лет жизни за рубежом я стал «погружаться» и в присутствии других людей, чем нередко удивлял и пугал их. Рита в конце концов привыкла, что со мной «так бывает». Она теперь спрашивала «что-то случилось или ты просто думаешь?», и я молча показывал ей оттопыренный вверх большой палец.

Где она сейчас, моя Рита? В старых романах переживание разлуки было одной из основных несущих конструкций, эдаким тазобедренным суставом в скелетах сотен мелодрам. А я вот совершенно не переживаю, хотя наш роман был довольно бурным. Видимо, очередной эффект виртуального общения: Сеть приучила нас расставаться легко и быстро, без лишней грусти ожиданий, без особых размышлений о том, что делает сейчас человек, с которым ты недавно общался...

Пара, за которой я наблюдал, не торопилась уходить. Девушка усталым голосом крикнула бармену «мартини с грейпфрутом!», а молодой человек (с появившимся лицом) подошел к столику, где сидело еще трое ребят его возраста. По доносящимся слэнговым словечкам можно было легко догадаться об их увлечениях. Разлука разлукой, а вот к стереотипам юношеской романтики Сеть не так уж много прибавила, подумалось мне, и память услужливо подбросила название старого фильма с модным тогда Кинчевым: «Взломщик».

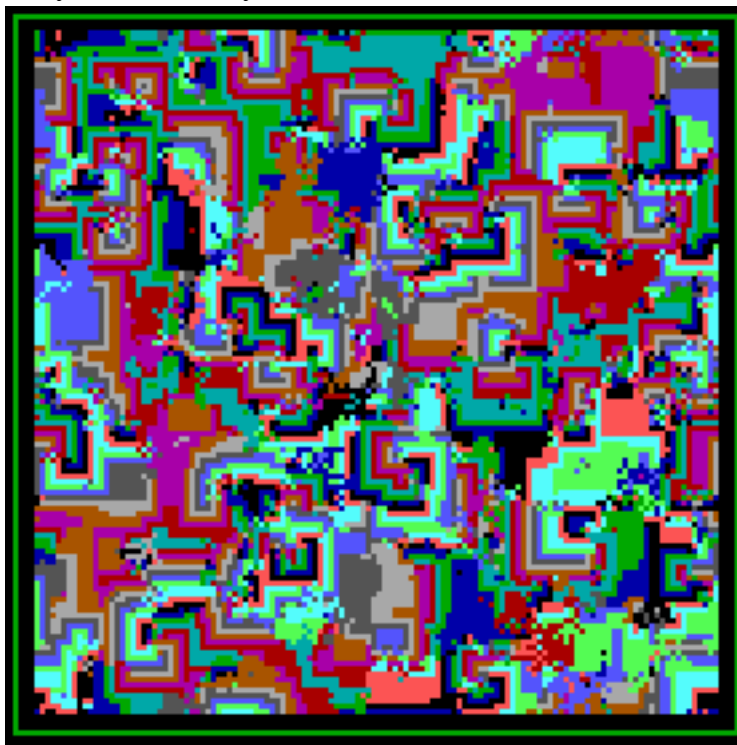
Сам я никогда не был хакером. Честно сказать, я даже с некоторым отвращением и боязнью относился и к «железу», и к внутренностям тех программ, с которыми работал. Кнопок с простыми словами «Найти», «Сохранить», «Печатать» мне было более чем достаточно. Дальше лезть никогда не хотелось.

Даже если я и замечал какие-то технические вещи, это было совсем не из той оперы, которая интересовала хакеров. Например, когда-то меня раздражало, что листы бумаги выходят из принтера теплыми. Мне почему-то хотелось, чтобы свежая распечатка была, наоборот, холодноватой. Знакомый программист, которому я поведал об этом, долго смеялся – не знаю, над чем, но больше я ему ничего не рассказывал о своем общении с компьютером.

Однако после ухода из Университета я оказался лишен всякой технической поддержки. И обнаружил, что раньше мог игнорировать ее лишь потому, что ее держали на высоте другие люди. А ведь когда-то я лишь посмеивался в ответ на замечания коллег о моем снобистском невежестве узкого специалиста, не желающего знать лишнее из другой области.

«CAMEL отдельно, LIGHTS отдельно». Оказавшись за стенами университетского кабинета, я осознал весь горький юмор этой поговорки. Прочти хоть всего Пушкина над сломанным принтером, он не начнет выдавать распечаток – ни горячих, ни холодных. Не говоря уже о том, чтобы продолжать свое дело или хотя бы отомстить тем, из-за кого я оказался на улице. Для таких дел нужна целая команда. Один в поле не воин, особенно если вместо поля – дикий лес Сети, а ты – всего лишь профессор вымершей литературы, не выдавший в этой Сети почти ничего, кроме своих любимых академических архивов.

Но и в диком лесу я оказался чужаком не для всех.

Клетка 3. Хакер, первые игры

Я точно так же сидел тогда с чашкой кофе в университетском «Тараканнике». Он подсел рядом.

Бутылка дешевого пива, два бутерброда с соевым мясом. Характерная сутулость и длинные волосы, которые можно было бы называть светлыми, если бы он мыл их чаще раза в месяц. Плюс драная противогозная сумка, из кармана которой торчит, как перчатка, дорогой черный «лапот» без единой клавиши, снятый с руки только на время еды. Все это классифицировало его на девяносто девять процентов: электронный витязь на распутье.

И лицо как будто знакомо, но как зовут?... Типичная история, когда читаешь лекции двум потокам по триста человек – множество лиц, запоминающихся чуть больше или чуть меньше, и множество имен, которые не запоминаются вообще.

Да и лиц почти не видно теперь, когда многие лекции проводятся через Сеть. Разве что во время устных экзаменов. Но и тут свои ограничения, связанные как раз с внешним видом – который, как известно, частенько влияет на отношение преподавателя к студенту. В первые годы после введения систем дистанционного обучения среди моих коллег-преподавателей большой популярностью пользовался «Крокодил», остроумная отечественная переделка американской сетевой игры «Strip Poker». Бот «Крокодила» встраивался в интерфейс программы «Дистанционный экзамен» на компьютере преподавателя, и во время сдачи экзамена автоматически снимал с виртуальной копии студентки один предмет одежды за каждый неверный ответ. Некоторые коллеги утверждали, что «Крокодил» выгодно отличается от игры в карты на раздевание наличием некоего «естественного баланса»: к концу экзамена более симпатичные студентки оказываются более раздетыми.

Увы, на практике естественный баланс работал только на первом курсе. Студентки постарше, узнавая про «Крокодил», либо вообще отключали изображение, либо, наоборот, начинали раздеваться перед камерой сразу и вполне самостоятельно – что конечно лишало игру спортивного интереса. А позже руководство Университета занялось искоренением «Крокодила» и обеспечением равных прав студентов. На практике это означало, что в новой версии «Дистанционного экзамена» все студенты стали появляться на экране в виде совершенно одинаковых, бесполок аватаров зеленого цвета. В такой системе вебучения единственным, что отличало студентов друг от друга, был их язык, великий и вебучий.

Но паренька, подсевшего за мой столик с пивом, я точно видел живьем. Не исключено, что он просто наступил мне на ногу в этом же «Тараканнике» вчера или позавчера, подумал я и снова взялся за кофе. Однако витязь с противогозной сумкой обратился ко мне сам:

– Профессор, вас правда выгнали?

– Похоже на то. А вы?...

– Сергей Жиганов, ник Жиган. Вы вряд ли меня помните, я с примата. Ходил на ваш спецкурс в прошлом семестре.

– Неужто по своей воле?

– Нет, конечно, – он улыбнулся. – Нам велели взять не меньше трех спецкурсов на гуманитарных факах. Я и загрузился на ваш. Сначала думал, в гробу и в белых фолдерах я видел все это древнее худло, лишь бы зачет поставили. А потом ничего оказалось. Всяко веселей, чем «Основы имагологии». Жаль, что вы теперь в дауне. Я собирался после Нового года загрузиться на продолжение.

– Ерунда, курсов много интересных осталось. Могу порекомендовать «Биоарт» Стерлинга. Или Лебедева... не помню, как там официально звучит, мы между собой называем это «Урловство».

– Ага, погляжу. А вы-то что будете теперь делать? Уж вряд ли пойдете вебелю торговать!

– Еще не знаю. Говорят, есть такая профессия «культ-уролог». В чем суть, я никогда не врубался, но название звучит заманчиво. Может, это и попробую.

– Ну, если вам что-нибудь будет нужно из vareжек... В смысле, из программ... бесплатно то есть...

Сергей замялся, и я помог ему:

– В смысле что-нибудь взломать-стащить?

– Ну в общем, да. Могу подсобить.

Это было заманчивое предложение. Времена независимых хакеров-одиночек давно прошли. Теперь им было гораздо легче зарабатывать деньги под «крышами» солидных корпораций, борющихся с конкурентами. Потенциальная яма специализации затянула сетевых взломщиков так же, как затягивала людей всех профессий во все времена. Гарантированная оплата за взлом и только за взлом – это просто удобно. Не нужно самому выдумывать, куда перевести деньги из взломанного банка, кому и за сколько продать украденную базу – люди других профессий сделают это за тебя. И сделают лучше. Хакеров, которые предпочли этой схеме независимость, осталось на удивление мало. Ларьков, где продавались дешевые пиратские копии программ, не осталось вовсе. И мой принтер по-прежнему отказывался печатать.

– Спасибо, учту, – кивнул я. – Пока вроде ничего не нужно. Хотя... у меня недавно принтер сломался, ты в этом разбираешься?

– Как два байта. Строить не ломать.

Черт, подумал я. На меня свалилась с неба золотая рыбка, а я прошу у нее заделать трещину в корыте. Дурачина и простофиля, проси уж сразу ключи от двorca!

– Ну, если «как два байта», есть проблемка поинтересней. Но это уже так, роскошь. Мне прикрыли доступ в университетскую библиотеку. Можно за деньги ходить, но сам понимаешь, откуда я их возьму. Да и вообще неприятно – пятнадцать лет бесплатно пользовался как сотрудник Университета, сам помогал ее структурировать... А теперь должен личку в общий автомат совать.

– Ясный пень! Хорошо, мы с ребятами попробуем библиотеку поковырять. Но заранее ничего не обещаю, я в этом деле пока не профессор.

Но начали мы все-таки с того, что попроще. То есть с «воскрешения лазаря» – так мой новый знакомый назвал процесс ремонта лазерного принтера. В тот же вечер, спустя пару часов после разговора в кафе, мой старенький «лазарь» снова запел свою забытую песню, состоящую из тихого гудения приводов и шуршания теплых распечаток.

Зато библиотека оказалась крепким орешком. Через неделю мы снова увиделись в «Тараканнике». Жиган сообщил, что ничего не выходит.

– Можно крякнуть «на раз», но тогда сразу заметят. А для постоянного юза это не годится. Тут надо быть тише кулера, ниже драйвера. Например, узнать чей-нибудь пасс и втихаря его юзать. Наверное, вам проще будет договориться с главным библиотекарем, с Чеботарским. Вы же его знаете! Может, он по старой дружбе даст вам доступ?

Я знал главного библиотекаря, но дружбой там и не пахло. Особенно после моего увольнения – это я уже проверял.

Когда в городе только появилось Управление по компьютерной и информационной безопасности, оно состояло в основном из гэбистов старой закалки, так называемых «красных соромовцев». Эти любили навязывать свои контролирующие функции открыто. С удовольствием демонстрировали власть через законы, приказы, выдачу и отъем лицензий, шумные аресты и прочую волокиту. Никто и не скрывал тот факт, что все провайдеры Сети и все операторы мобильной связи прослушиваются СОПМом.

Однако уже при внедрении новой, «Усовершенствованной системы оперативно-розыскных мероприятий», в рядах УКИБа прочно осели более молодые «белые соромовцы», они же

усормщики. Выросшие под знаменами рынка, а не социализма, усормщики гораздо больше ценили саму информацию, чем абстрактную власть над нею. Соответственно и методы контроля они предпочитали незаметные, не документированные. Запретительная деятельность старых большевиков расценивалась «белыми сормовцами» как непрактичная грубость; они предпочитали вседозволенность, густо обвешанную «жучками». После очередной смены президента и сокращений в УКИБе именно «белые сормовцы» составили основу частных агентств электронной безопасности и сыска.

Таким был и наш главный библиотекарь Чеботарский. Конечно, он не афишировал свою вторую личину. Но когда долго работаешь с человеком в одной библиотеке, волей-неволей узнаешь его взгляды. Помогло и еще одно обстоятельство: мои частые посещения университетских архивов, в сочетании с некоторой некоммуникабельностью, почему-то привели Чеботарского к мысли, что я занимаюсь тем же, что и он.

После этого он то и дело подкатывался ко мне, пытаясь выяснить, что я такого особенного выкапываю в библиотеке и кому продаю. Мои честные ответы – «просто перечитываю любимые книги» – главный библиотекарь воспринимал как нескрываемое издевательство: его поколение бесплатно перечитывало только сообщения о компьютерных ошибках и надписи на схеме метро. Кажется, он вбил себе в голову, что я работаю на финансовую полицию – ведь еще Маяковский подметил, что между литераторами и фининспекторами есть что-то общее. Не менее скрытная организация, чем УКИБ, государственная финансовая полиция являлась конкурентом коммерчески ориентированных «белых сормовцев», работавших больше на частный сектор. Поэтому мой уход из Университета Чеботарский воспринимал почти как личную победу над агентом противника.

– А нельзя ли просто подобрать пароль того же Чеботарского? – спросил я Жигана.

– Шутите, профессор?! Знаете, какое число комбинаций надо перебрать! Да и система наверняка брыкнется, когда заметит, что кто-то набирает неверный пасс миллион раз подряд.

Я задумался. Интересно, а что я сам использую обычно в качестве пароля? Что-то забывающееся...

– Слушай, Сергей. Можно попробовать вот что. Найди в Сети персональный сайт главного библиотекаря. Он ведь большой общественный деятель, либертарианец, член чуть ли не десяти разных клубов, даже какой-то спецкурс ведет. Такие люди обычно делают очень подробные, развесистые хомяки. Вот и найди этот хомяк, и выбери оттуда все ключевые слова: имена родственников, названия любимых игр, имена любимых киноактеров. Какие-то стойкие образы, которые он употребляет в тексте. Цифры тоже: дни рождений, телефоны. В общем, все, что он мог бы использовать в качестве пароля. В этом круге и надо устроить перебор вариантов. Да, можно еще попробовать все эти слова в обратном порядке. Или разбить их на слоги и перебрать сочетания. Их тоже будет много, но уж всяко не миллион. Скажем, у тебя мог бы быть пароль «нагиж» или «сержиг».

По удивленному взгляду Жигана я понял, что у него и вправду мог быть такой пароль. Тот еще витязь!

Мы обменялись координатами, и он отправился проверять мою идею. Через два дня он позвонил мне домой. Голос его звенел, словно после первого свидания:

– Ваша идея рулит, профессор. Это оказалось...

– Постой-постой. Давай-ка не будем по телефону. Надо где-то встретиться.

– А приезжайте ко мне! Вы пиво пьете?

– Пью иногда. «Крушовицкое» темное. Из отечественных «Балтику»-тройку.

– У меня «Балтика 0Е».

– Сойдет.

Не успел я снять ботинки в прихожей Сергея, как он начал рассказывать:

– Это было имя его жены. Теперь можете ходить в вашу любимую библиотеку когда хотите. Но лучше войдите с этим пассом и как главный библиотекарь сразу заведите себе еще один логин в какой-нибудь группе заочников. Так точно никто не заметит.

– Замечательно! – улыбнулся я, принимая бутылку.

Я подумал, что эта штука с отгадыванием – просто счастливое совпадение, но вслух ничего не сказал.

Под столом у Жигана обнаружился целый ящик пива, а на столе – несколько разноцветных пакетов с самой разнообразной едой. От вида пяти банок с жареными миногами в маринаде мне пришлось слотнуть слюну. Такие разносолы едва ли соответствовали обшарпанным стенам и потрескавшемуся потолку в комнате студента.

– А что за праздник у тебя?

– Ну... вообще-то мы с ребятами использовали вашу идею...

– Тряхнули еще кого-то?

– Ага. Правда, это не так быстро вышло, как с библиотекой. Не все такие лопухи. Да и системы идентификации сейчас покруче: пальчики, голос. Двое суток мы батоны жали, перебрали сотню контор, прежде чем прорубились. Но вы не бойтесь, ребята мои надежные. А про вас я им вообще не говорил. Но и присваивать славу не хотелось. В общем, я сказал, что мне помог один старый хакер.

– Малютка Джон, – предложил я.

– Кто?

– Был такой... хакер один древний. Ломал все на свете самыми грубыми способами, о которых другие, шибко умные, обычно забывали. Можешь, кстати, так и сказать своим: мол, Малютка Джон все это выдумал.

– ОК. Между прочим, я сам тоже кое-что недавно выдумал, сейчас покажу.

Пока Сергей возился у компа, я разглядывал его квартиру. Ничего особенного, минимум необходимых вещей. Кровать устроена прямо на полу, рядом стол с компьютером, к стене над столом припилены пара рисунков, несколько смешных табличек, голограммок, и еще две-три непонятные бумажки. С противоположной стороны от «лежища» – простой пластиковый шкаф.

На этом невзрачном фоне, кроме разноцветных пакетов с едой, выделялась лишь елка, занявшая последний свободный угол – настоящая, пахучая, со старыми стеклянными игрушками, дождиком и мигающей звездой наверху. Все-таки живут еще некоторые древности в культуре. И как будто не собираются вымирать.

Из колонок донеслись звуки голосов, словно мы попали на вечеринку. Я взял стул и подсел к компу рядом с Жиганом. На экране в нескольких окошечках-комнатах виднелись участники виртуального сборища. Их реплики, причудливо перемешиваясь, звучали как вокзальный гул.

– Уж не вздумал ли ты показать мне, как выглядит современный чат? – я кивнул на экран. – Признаться, я их никогда не любил. Последний раз заглядывал, когда они еще текстовые были. Знаешь, как в наше время говорили? «Сетература отличается от литературы всего одной буквой – у литературы чИтатели, у сетературы – чАтатели».

– Не бойтесь, док, я вам вовсе не предлагаю чатать. Просто одну примочку покажу.

Сергей начал двигаться по залу, приближаясь то к одному, то к другому участнику чата. Это был настоящий карнавал – костюмы всех времен и народов, животные и геометрические фигуры, сказочные монстры и ослепительные кинозвезды. Правда, на «второй взгляд» стало заметно преобладание аватаров в духе «крестьян Малевича» – я так и не понял, то ли это нынешняя мода, то ли с такими супрематическими фигурами проще работать в трехмерке. Но даже самые плоскотелые примитивисты старались подчеркнуть свою индивидуальность рас-

цветкой, так что ни одной твари не было по паре. И только речь выдавала во всех этих существах людей – обычных, современных... и не особенно интересных. Некоторые сбились в кучки вокруг хороших рассказчиков и хорошо отрендеренных девиц. Другие фланировали от группы к группе, прислушиваясь и ненадолго вступая в дискуссию.

Сергей остановился у одного такого кружка. Центром внимания здесь была кукла Барби в розовом кружевном платье. У нее была только одна нога, но на фоне общего пандемониума это выглядело вполне естественно. Барби рассказывала:

«...такой короткий, с обеих сторон – по деревянной спинке, вроде подлокотников таких. Как я на этом диванчике с мужиками ни кувыркалась, а все равно вечно кончалось тем, что моя голова упиралась в эту спинку. Я уж даже приноровилась голову подгибать вбок, в угол дивана. В общем, привыкла как-то. Но потом у меня завелся этот кубинец, Хосе. Он зверь был вообще, жеребец безо всякой узды. И раз у нас ним было. На этом самом диванчике. Я конечно сразу макушкой в спинку ткнулась, и как обычно голову загнула в уголок. А Хосе мой разошелся, хрипит, мотается надо мной, все ему по барабану. Ну и в самый пиковый момент он прямо и рухнул вниз – да с размаху зубами об спинку эту, об подлокотник! Тут он окончательно озверел, меня сгреб в охапку и как-то так вперед рванул. А спинка как ждала – отлетела начисто, как душа в рай. Я-то просто ключицу сломала. А вот кубинец бедный въехал мордой в тумбочку, и сверху на него еще аквариум грохнулся. Рыбок я конечно новых купила, но у Хосе с тех пор...»

– Весело трендит, не будем ее нукать, – прокомментировал Жиган и продолжил обход чата.

Один из фланирующих, подходя к каждой компании, убеждал всех купить его книгу, где есть ответы на все вопросы. Сергей наметился было на него, но женщина в длинном сиреновом платье, сидящая в углу виртуальной гостиной, шелкнула пальцами, и зануда с лицом доктора Айболита пропал с экрана раньше, чем Жиган успел что-либо с ним сотворить.

В противоположном углу шла дуэль: двое крыли друг друга на чем свет стоит. Один, в средневековом костюме с пышным жабо, изрыгал оскорбления идеальной спенсеровой строфой. Другой, по виду труп не первой свежести, лупил в ответ известными рекламными слогами, остроумно переделанными в совершенно грязные намеки. Народ вокруг покатывался со смеху. Обмен репликами шел с такой скоростью, что было очевидно – добры молодцы дерутся далеко не голыми мозгами, а используют специальный софт. Я уже сталкивался с такими программами: лет пять назад, когда спаммеры совсем озверели, в моду вошли интеллектуальные почтовые боты, которые могли месяцами ругаться друг с другом без участия людей. Очевидно, что в конце концов это должно было стать высоким искусством.

Сергей выделил трупоподобного любителя рекламы и запустил свою программу. Подождав немного, он ввел еще одну команду, и ходячий труп пропал с экрана, но вскоре появился вновь. Он больше не ругался, а лишь смешно подпрыгивал. Сергей придвинул к себе микрофон и начал громко кричать: «Харе Кришна, Харе Кришна!» Однако его голос, доносящийся из колонок, звучал теперь как голос дуэлянта, которого он заменил. Фигурка прыгала и распевала мантру вместо того чтобы продолжать дуэль.

Остальные чатланы захихикали. Лишь женщина в сиреновом нахмурилась и снова шелкнула пальцами. Фигурка пропала, а хозяйка гостиной, взглянув куда-то вбок, проговорила: «Жиган, это ты хулиганишь с подделками? Еще раз замечу – больше сюда не пушу!»

– Как вам моя примочка? – спросил Сергей, закрыв рукой микрофон. – Имитирует любого, посмотрев и послушав его пару минут. Ну, сейчас я этой кикиморе Хельге покажу! Будет знать, как меня кикать!

Он яростно забарабанил по клавишам, но я остановил его:

– погоди, герой. Когда ты лев, тогда не прав. Давай-ка теперь я фокус покажу.

Я наскоро слепил в программе-конструкторе смешную мультяшку-карлика, выбрал в голосовом редакторе опцию «ребенок 5 лет», выпустил карлика в зал чата, сел к микрофону и запел. Из колонок полился тонкий детский голосок:

Маленькой елочке холодно зимой...

Сергей поперхнулся пивом и согнулся от хохота. Я предупредительно поднял руку: не мешай.

Из лесу елочку взяли мы домой...

Из лесу елочку взяли мы домой!

Следующую строчку я пел уже не один. Чатлане, отрываясь от разговоров, удивленно разглядывали карлика... и присоединялись к песне:

Сколько на елочке шариков цветных,

Розовых пряников, шишек золотых!

Про «розовые пряники» подхватило еще десятка два глоток. А на последнем куплете мощное разноголосое караоке грохотало на всю комнату так, словно к вечеринке в одной квартире присоединились соседи со всего дома:

БУСЫ ПОВЕСИЛИ, ВСТАЛИ В ХОРОВОД!

ВЕСЕЛО-ВЕСЕЛО ВСТРЕТИМ НОВЫЙ ГОД!!!

После песни чат примолк. Народ вернулся к своим компаниям. Многие попрощались и исчезли с экрана – наверное, вспомнили о приближающемся празднике и связанных с ним хлопотах. Сергей открыл еще две бутылки пива, одну протянул мне:

– Здорово! Не ожидал от вас такого!

– Когда я был в твоём возрасте, мы называли это Эм-Це-Ка – эмоциональный центр компании. Я тогда увлекался всякими психологическими штучками. Это не сложно, нужно лишь нащупать общую точку пересечения, такой особый потенциал – незаметный, но не разряженный. Иногда достаточно совсем слегка в эту точку ткнуть, чтобы что-то грандиозное закрутилось... Между прочим, я вот сейчас подумал... мы ведь могли пароль библиотекаря еще проще получить, без угадывания.

– Ну да, напоить сисадмина... Только у него и так уже наверно цирроз печени.

– Нет, еще проще. Вот слушай: я читал, что вскоре после того, как Кевина Митника выпустили из тюрьмы, он выступал в качестве эксперта в американском Сенате. Рассказывал, как защищаться от взломов. И приводил примеры. Несколько его знаменитых хаков состояли лишь в том, что он звонил в компанию и представлялся ее сотрудником, который забыл пароль.

– Ха, знаю! Сейчас на такое никто не загрузится.

– Да? Даже если ты будешь говорить с ними голосом их сисадмина? Твоя программа может подделывать голоса, так? Сначала звонишь одному, а потом его голосом – другому.

– Блин, а ведь правда... – Сергей хлопнул себя по лбу. – Ну я и чайник! Я же ее просто для прикола написал, в чатах баловаться...

– Вот тебе и психология. Самое слабое место в компьютерных системах – люди. Что в защите, что в нападении.

– Да, поймали вы меня... И главное, у меня же куча материалов собрана про всякие подделки в Сети! А свою примочку так и не додумался для реального дела использовать! Кстати, вам наверное будет интересно поглядеть, что у меня есть...

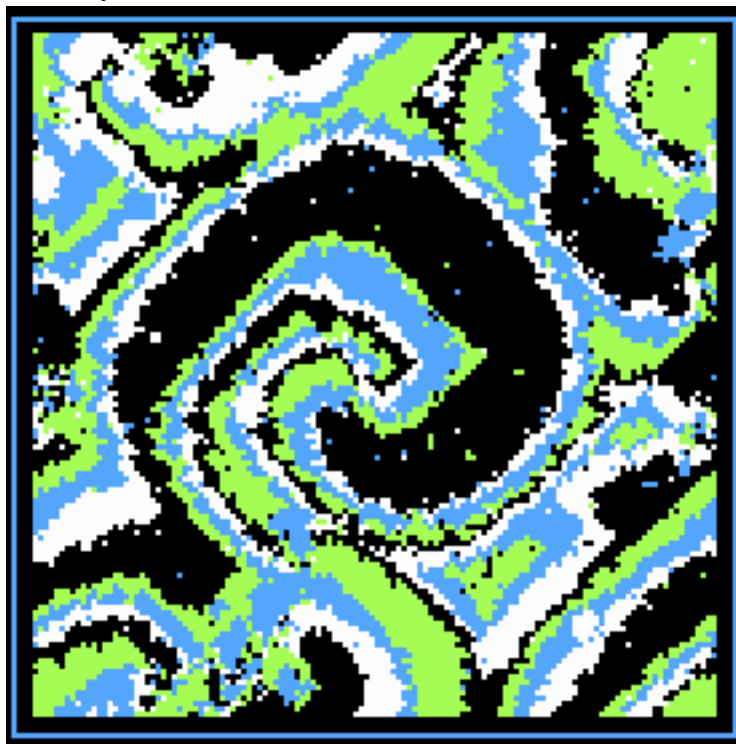
Жиган поставил бутылку на пол и полез в шкаф. Роясь в бумагах, он продолжал:

– Вы как-то говорили на семинаре про циклическое повторение идей... Насчет того, что всегда можно найти аналоги любых новшеств в прошлом. У меня тут большая коллекция старых журналов – знаете, там и вправду столько идей на тему Сети! Некоторые даже не применялись, потому что их еще не заметили... как будто.

На пол с громким шлепком упала прошитая стопка из пяти номеров Zhurnal.Ru. Потом стопка каких-то газет панковского вида. И целый ворох «Компьютерры». Я заметил, что, хотя шкаф типично книжный, в нем нет никакой литературы, кроме журналов и небольших распечаток. В былые годы я развлекался тем, что приходя в новый дом, пытался определить характер хозяев по корешкам книг. Здесь такое, конечно, не пройдет. Нету корешков.

– А вот кипать эту бумагу неудобно, целый шкаф занимает, – прокомментировал Жиган, словно читая мои мысли. – Давно бы надо все оцифровать да упаковать, один зипун на пару метров и будет всего. Но жалко, раритеты все-таки. Во, нашел! Сейчас еще пошарю, а вы пока глядите это... тут самое начало. Основы, так сказать.

Он протянул мне журнал в зеленой обложке. У нужной страницы был загнут уголок. Я пересел на диван, отхлебнул пива и стал читать статью.

Клетка 4. Теория виртуальной личности

Бывают такие странные витрины: если в нее помотришься, то из тебя почему-то получаются сразу три человека, а если ты смотришься в нее долго, тебе начинает казаться, что ты – это не ты, а целая толпа каких-то незнакомых людей. Но Мэри Поппинс даже вздохнула от удовольствия, увидав сразу трех Мэри Поппинс...

(П. Трэверс, «Мэри Поппинс»)

Данная статья представляет собой выжимку из книги «Теория Виртуальной Личности», над которой мы работаем в настоящий момент. Здесь мы представим лишь несколько профессиональных советов в помощь начинающим разработчикам Виртуальных Личностей. Мы не собираемся затрагивать технические детали этого непростого искусства. Предполагается, что вы сами знаете, какого рода «следы» можно оставлять в виртуальном пространстве (например, IP-адрес), и понимаете, как можно этого избежать. Возможно, на том уровне виртуализации, который вы выберете, вам и не понадобятся все эти тонкости. Кроме того, опытные специалисты вроде нас могут сознательно допускать некоторую небрежность – как гласит восточная мудрость, настоящий мастер всегда работает слегка тупым резцом. Наконец, как вы вскоре поймете, Виртуальная Личность – это явление более широкого радиуса действия, чем просто анонимность в компьютерных сетях. Руководствуясь этими и другими соображениями, мы решили оставить в стороне технические аспекты и сконцентрировать наше внимание на психологических проблемах, с которыми разработчики ВЛ сталкиваются особенно часто. Итак, наши рекомендации.

1. Имейте концепцию. Собираясь создать ВЛ, подумайте, что вы будете с ней делать. Есть ли у вас какие-то идеи, настроения, которые отличались бы от того, что вы демонстрировали ранее? Довольно глупо заводить ВЛ лишь для того, чтобы выразить через нее свои обычные мысли – это можно делать и под своим обычным именем.

2. Главное – имя. Говорят, что аппетит приходит во время еды. Это заблуждение. Аппетит приходит, когда вы видите вывеску ресторана. Взгляните на эти имена: «Александр Сергеевич», «Вдова Клико», «Луноход-2». Чувствуете, как имя определяет... практически все? Статью, подписанную именем «Андрей Соколов», многие люди вообще не будут читать. Поэтому хорошенько расслабьтесь и подумайте – какое имя должна носить ваша ВЛ? После выбора имени все остальное (от желания сказать гадость приятелю до тяжелых психических расстройств) придет к вам само собой.

3. Создавайте уникальное. Старайтесь сделать вашу ВЛ непохожей на других. В сущности, именно это и определяет, насколько ваша ВЛ – Личность. Каждая новая ВЛ должна опровергать или дополнять те принципы, по которым строились предыдущие ВЛ (или даже предыдущие поколения ВЛ). Используйте метод инверсии: выделите некоторый всеобщий принцип и реализуйте его противоположность. Вот простейший пример.

Стереотип (старый принцип): ВЛ создается одним человеком, который на протяжении всей ее жизни является ее единоличным «хозяином».

Инверсия (новый принцип): ВЛ создается и управляется группой людей, либо управление передается каждый раз новому «хозяину».

4. Не выдумывайте лишнего. Все великие ВЛ созданы до вас. Посмотрите примеры в литературе, особенно в английской и американской,

XVIII–XIX вв. Два основных архетипа описаны в одном из рассказов Эдгара По: роковая женищина безумной красоты, лица которой никто не видел, и мужчина – неуловимый благородный разбойник. Есть и другие классические типажы. Выберите один из таких архетипов и развивайте его. Добейтесь, чтобы это была живая, действующая личность, а не просто литературный персонаж.

5. Помните о Станиславском. Вживайтесь в образ своей ВЛ, говорите на ее языке. Никогда не думайте: «Я скажу это и подпишусь как Собака Баскервиллей». Думайте так: «Что бы сказала на это Собака Баскервиллей, оказись она на моем месте?» Учитывайте все – язык того слоя общества, к которому принадлежит ваш персонаж, его религию и его болезни, его вкусы и его почерк. Помните об этих ограничениях, как о стенах, в которых вы должны поселиться как дома, забыв про дверь.

6. Не перегревайтесь. Если вы свободно входите в роль своей ВЛ и так же свободно выходите, при этом никогда не путаетесь и даже не всегда помните, что вы делали в роли ВЛ, поздравляем: у вас шизофрения! Рекомендуем выбирать клиники в местах с мягким климатом – Бахчисарай, Баден-Баден, Борнео.

7. Сила – в деталях. Помните, что кетчуп – это наркотик страшнее героина: если в Москве неожиданно пропадет весь героин, будут страдать лишь несколько тысяч наркоманов, а если пропадет весь кетчуп... представляете, что будет?! Поэтому не гонитесь за экстравагантным – все гениальное просто. Научитесь обставлять вашу ВЛ мелкими, естественными деталями как бы невзначай. Опишите как бы случайно здание Тартуского университета, употребите ленинградское слово «поребрик» – и вот вы уже привязали свою ВЛ (и тех, кто за ней наблюдает) к местам, где вы сами никогда не были. Так же может осуществляться привязка к профессии, возрасту и ко многому другому.

8. Ваши дела – ваши доказательства. Не старайтесь доказать реальность вашей ВЛ с помощью каких-либо «документальных свидетельств». В наш век высоких технологий никого уже не купишь «честно отсканированным паспортом» или «уникальной электронной подписью/адресом». Но если ваша ВЛ постоянно выдает что-то впечатляющее – не обязательно даже очень талантливое – у наблюдателей не возникнет сомнений в ее существовании.

9. Не лезьте на рожон. Говорят, каждый преступник возвращается на место преступления. У создателя ВЛ часто появляется искушение «вылезти» самому: поdiskутировать со своей ВЛ, порадоваться ее успехам со всеми вместе. Сдерживайте это желание – не высывайтесь, когда не надо. Не позволяйте также втягивать вас в долгие дискуссии с несколькими людьми одновременно, в сложные отношения с обещаниями. Иногда молчание ВЛ, ее неожиданное исчезновение приносят большие пользы, подкрепляя ощущение тайны.

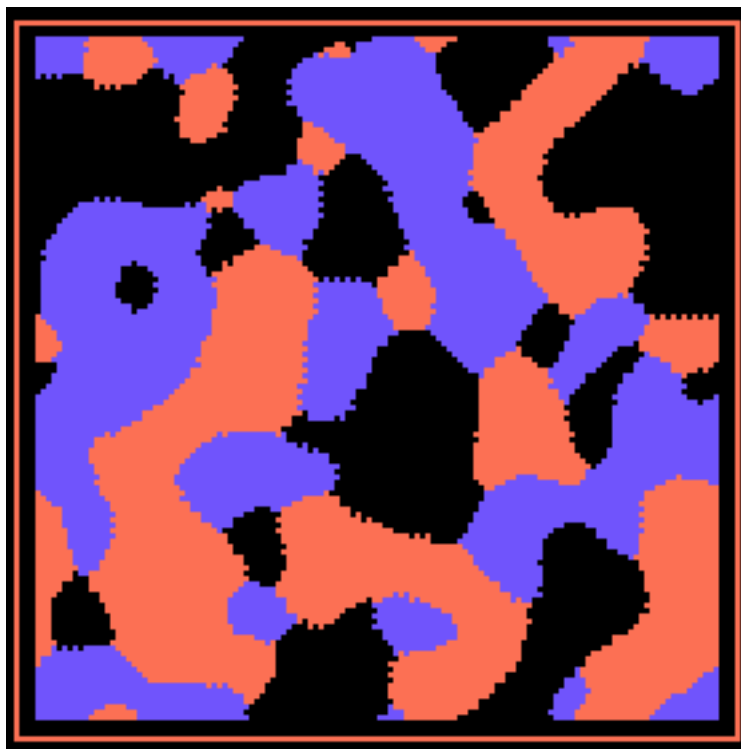
10. Предотвращайте разоблачение. Попытки разоблачения начнутся рано или поздно, поэтому лучше сразу взять этот процесс под контроль. «Разоблачайте» свою ВЛ сами – вовремя предсказывайте место вероятного нападения и нападайте раньше других, смягчая удар и отводя его в сторону от своей ВЛ. Более тонкий прием – создание Виртуального Разоблачителя одновременно с созданием ВЛ. Даже если одну из этих ВЛ раскроют, вторая

останется с вами, имея алиби победителя. Можно использовать и более сложные схемы ухода (см. п.3 – о передаче другому «хозяину»).

11. Провалились? – Не отчаивайтесь! Считайте, что это была репетиция, черновик. Проанализируйте ошибки и двигайтесь дальше, к более совершенной ВЛ. Ваш идеал – Виртуальная Личность, которая останется жить в веках даже после того, как ваше брненное тело, отдавшее ей все свое время и энергию, сгниет в гробу.

12. Вовремя оглядывайтесь. Слабая реальная личность никогда не создаст сильную виртуальную (обратное неверно). Если вам удалось создать сильную ВЛ, возможно, стоит попробовать себя и в других творческих средах: затяжные прыжки с парашютом, разведение горных пчел, работа воспитателем детского сада.

13. Никогда не используйте все эти советы сразу. Выберите несколько – например, все четные или все нечетные. Или просто пять-семь случайно взятых советов. В качестве генератора случайных чисел от 1 до 12 можно использовать наручные часы.

Клетка 5. Шаровая молния

– ...говорю, кубик для вас свободен! Второй этаж, блок «D».

Передо мной снова стоял белобрысый бармен «Тетриса». Похоже, я слишком ушел в себя, так что ему пришлось подойти и крикнуть прямо мне в ухо.

На другом конце зала я заметил удаляющуюся женскую фигуру. Рыжие волосы женщины рассыпались по плечам, тонкий зеленый плащ от быстрого шага взлетел, приоткрыв стройные ноги. Видимо, это она освободила кубик.

Интересно, что ей могло понадобиться в Нет-кафе? Вряд ли комбинезон «Э-ротик»: у женщины с такими контурами наверняка нет отбоя от реальных мужиков всех мастей. Хотя... Я вспомнил про «глушение всех типов чипа верности за счет заведения».

А что, тоже вариант. Ревнивый муж, не брезгующий современными технологиями надзора, сидит себе на работе, лелеет в кармане брелок с «сигнализацией» – а его жена-красотка, не будь дура...

Я проводил ее взглядом до двери, втайне надеясь, что она обернется. Увы.

Короткая и крутая лесенка, выстеленная звукоизолирующим ковром, вела на второй этаж. Нынешний кубик представлял собой треугольную, а не четырехугольную комнату. Старые кубики несколько лет назад разделили пополам диагональными перегородками, так что комнат получилось вдвое больше. Но это не особенно заметно по сравнению с тем, что позволяли теперь компьютеры: голосовая подача команд, голографическая трехмерка, и прочее, и прочее.

Сейчас я вошел в слабо освещенную беседку с видом на море. Смахивает на Никитский ботанический сад в Ялте. Хорошая заставочка.

Беседку немного портил мольберт посередине: уж больно аккуратный. На мольберте остался незаконченный пейзаж – берег моря, прорисованный акварелью с одной стороны, а с другой лишь намеченный карандашом. Возможно, просто часть заставки. Но я на всякий случай дал команду сохранить рисунок. Затем вызвал настройку интерьера и произнес «кабинет-34».

Обстановка сменилась. Стены с книжными стеллажами скрыли сад, мольберт стал обычной персоналкой на столе. Вынув из кармана карточку, полученную в «Аргусе», я загнал ее в щель на рабочей панели.

поиск узла... установка канала связи...

«Кабинет 34» чем-то походил на мой кабинет в Университете, потому я его и выбрал когда-то. Наверное, самая старая из интерьерных заставок в этом кафе, комплект MS Rooms первого поколения. Тогда они еще делались цельными – нельзя было подвинуть книжный шкаф ближе к окну или подгрузить пару венских стульев из модного каталога вебели. Сейчас, конечно в моде более изощренная вебелировка – комнаты в виде огромной инфузории-туфельки, а то и в виде огромной вагины. Мне лично всегда хватало кабинета. Не так-то легко на все новое переключаться. Еще, кажется, вчера сидел за обычной клавишей обычной персоналки, а тут – на тебе, трехмерные внутренности инфузорий вокруг и прочие эффекты присутствия.

канал связи установлен идентификация... успешно ожидайте аудиенции...

Правда, надо сказать спасибо Сергею – он почти вылечил меня от виртобоязни простым и грубым методом, который в двадцатом веке называли «шоковой терапией».

Два года назад, когда в нашей совместной деятельности по созданию «Вольных Стрелков» возник вопрос о визуализации, я мягко пытался обойти эту тему. Я выдвигал различные разумные доводы в защиту письма как вполне мощного – в умелых руках – средства воздействия на других людей. Но Жиган заявил, что это восстает мое трусливое подсознание, а все умные доводы – лишь рационализация внутренних страхов. Я ответил, что не уважаю психоанализ. Тогда Жиган молча вынул свой верный «лапоть» и немного поколдовал над ним, после чего из карманного компа донесся мой собственный голос:

«Письменность, одна из самых нерациональных систем сохранения и передачи информации, благодаря многовековой практике укоренилась в культуре настолько, что даже сейчас, когда новые технологии позволяют задействовать все каналы человеческого восприятия максимально эффективно, призрак литературы все еще реет над нами, как эдипов комплекс сообщества homo informationis.»

Последние слова потонули в бурных аплодисментах. В оригинале лекции никаких оваций не было, и по ухмылке Жигана я понял, что это его подколка.

Конечно, я мог сказать, что тогда было совсем другое время, хотелось новых технических чудес. И тогда был другой я, писавший такими шизофренически-длинными предложениями. И главное, была совсем другая цель – хотелось попросту разозлить некоторых зануд этой лекцией, которую Сергей вытащил сейчас из Сети.

Но я устал отбиваться от того, чего даже не видел. Может, и впрямь комплекс. И я согласился, что с картинками жизнь наших виртуальных кукол будет веселей.

Жиган, как выяснилось, того и ждал. И сразу же потащил меня к Саиду.

Саид жил на северо-западе. Он оказался низкорослым крепышом с цепким взглядом азиата. Крупную голову обтягивала черная лыжная шапочка, в восьмидесятые годы такие «плевки» носили рэпперы и прочая околोकриминальная молодежь. На левой стороне груди под распахнутой шелковой рубашкой чернела татуировка, ряд цифр и букв.

Мы остановились в прихожей. Я был здесь посторонним, и цепкие глаза смотрели настороженно.

– Доброго коня тебе, нукер! – приветствовал азиата Жиган. – Это профессор, я тебе о нем говорил.

– Конь сегодня дважды брякался, да покарает Аллах неверных китайцев с их косоглазым метеоспутником, – отвечал азиат сонно. И опять уперся острым взглядом в меня:

– По чем профессор-то, по маканию кречеров в чай?

– Нет, по лечебному онанизму, – хмуро ответил я.

Вежливость вежливостью, но лет в двадцать я вывел правило, согласно которому лучший способ ответа на наезд – это зеркальное отражение методов атакующего против него самого. С тех пор прошли десятки лет, и многие другие полезные правила пытались войти в мою этическую систему, но так и остались за порогом. Не дожидаясь реакции на предыдущую фразу, я указал на татуировку:

– Пин-код вашей лички? В голове не держится?

Шутка прозвучала неуклюже, наигранно. Но крайней мере наглый рэппер будет знать, что я не глухонемой.

– Лички? В голове? Ха-ха, да ты остряка привел, Жиган-каган! Это группа крови и коэффициенты совместимости тканей.

Азиат в лыжной шапке отвел полу рубашки еще немного в сторону, обнажив узкий шрам под татуировкой. Шрам начинался у солнечного сплетения и уходил вверх к подмышке.

– А это место, где ткани совмещались херово, несмотря на «пин-код». Тот головорез, от которого мне делали пересадку, оказался очень старомодным парнем. У него все персональные шифры-мухры были записаны на жетоне. А жетон унесло вместе с его башкой во время взрыва. Зато сердце у басмача оказалось – будь здоров! А мое-мумие как раз навывлет прошло. Но доктора наши – люди практичные, не дадут добру пропасть. Да и без головы какой он противник? Тут главное, чтоб ткани совмещались. Мне-то еще повезло, но я все равно потом нашел радиоволну, на которой ихние командиры-навадиры переговаривались, да прочел им нотацию. В плане того, чтоб выбросили нахер свои хваленые штатовские жетоны с кнопками-лампочками, и сделали бы нормальные тату, как у нас. А то никакой пользы от них, когда вместе с башкой с них и жетоны срывает. Как ты говоришь? – коды в голове не держатся совсем? Ха-ха, верно угадал! Настоящий профессор! Заходи, гостем будешь!

Ошеломленный шутливым тоном, не вязавшимся с мрачной историей о пересадке сердца от убитого врага, я не решился продолжать словесную пикировку и прошел в комнату. И там был поражен не меньше: на столе в центре комнаты стояла старинная ламповая радиоло «Омега», каких я не видел уже лет тридцать. Даже в магазинах старья.

– Ого! Целая?! – Сергей подошел к радиоле и стал разглядывать ее, как дорогой предмет антиквариата.

– Почти. Двух ламп не было. Пока поставил чип.

– Ха-а, так не че-естно! – протянул Сергей.

– Говорю же – пока. Вчера починил двум лохам ореолы, денюга-танюга теперь есть, в выходные смотаюсь в Автово. Мне там один дедок-фрикер уже обещал эти лампы.

– Мы к тебе по делу, Сай. – Сергей кивнул на меня. – Хочу профессору показать настоящую сибирь, без сиропа.

Саид комично воздел руки к потолку:

– О нэвэрный! Сколка раз тэбэ учит: нэ сибир, а кибир!

– Хорошо, хорошо. Показать Доку киберпространство, виртуальную реальность и прочий мир неорганичных... или как там, неограничных... Короче, только психи могут юзать такие длинные иды.

– Неплохо бы сперва покурить. – Саид оглядел меня скептически.

Свой черный «плевок» он так и не снял, и я снова подумал о рэперах: они тоже носили свои дурацкие шапки даже в помещениях. Словно читая мои мысли, Саид почесал под шапочкой около уха, потом повернулся к Жигану:

– Ты ничего для души не принес случайно, хакер-шакер?

– Извини, чистой травы не смог достать. Нет нигде. Но есть гаш.

Саид поморщился, принимая от Сергея коробок:

– Знаю, знаю. Цифровой оксид-хасид совсем вытеснил органику. Для гаша у меня и аппарата приличного нет... Ну да ладно, сейчас чего-нибудь забачаем.

Вытащив из коробка короткую колбаску грязно-зеленого цвета, азиат оторвал от нее кусочек, раскатал в шарик. Выдернул из мягкой игрушки на стене булавку и насадил шарик на нее. Затем достал из стола шариковую ручку, вытряхнул прямо на пол стержень, и с помощью обрывка скотча прикрепил булавку с гашишом к концу пластмассовой трубочки. Я с ностальгическим интересом следил за таинством церемонии. Саид поджег шарик на булавке зажигалкой, притушил его, и вдохнул через трубку голубой дым тлеющего «пластилина».

– Кальян в натуре, – резюмировал Сергей.

– А что такого плохого в диоксиде? – подал голос я. После случая с Лизой-Стрекозой, боевой подружкой моей хипповской молодости, я и сам мог бы много чего рассказать в ответ на такой вопрос. Но интересно, что знают они.

– Неправильная штука. Нетворческая. – Лицо Саида плавало в облаке дыма. – Либо ходишь весь обдолбанный этими картинками и радуешься, что весь мир такой правильный и

блестящий, полный сандал-миндал. Либо потом, когда пройдет, страдаешь от всяких неправильностей вокруг. И ищешь снова этих аккуратных узорчиков. Либо просто переберешь – и в психушку. А я люблю, если уж вмазать, так чтоб под это дело можно было еще чего-нибудь поделать. В Сетке поработать, например. Тут гаш в самый раз, поскольку у компа скорость огого, и коннект нормальный найти можно, а вот собственные мозги так просто не разгонишь... если не принять чего-нибудь для скорости.

– А для быстрой смены формы в сибире нужно другое вещество. – Жиган многозначительно поглядел куда-то вверх.

– Какое? – Я автоматически проследовал взглядом туда же и увидел две зеленые звезды, приклеенные к потолку.

– Морфин! – в один голос выкрикнули оба хакера с довольными ухмылками. Оказалось, это был намек на какой-то неизвестный мне анекдот.

– Вообще-то синтетику я не очень. – Саид выпустил еще одну медузу из дыма. – Лучше травка. Гаш тоже можно, в нем и смолы меньше... Но я раз видел, как этот гашиш-бакшиш делают. Гоняют по полю потного коня. На него пыльца налипает, получается такой... конь в пальто. Это пальто с него катышками соскребают и курят. У меня с той поры на гаш рвотный рефлекс. Так, чисто психологическое. Но раз уж принесли...

Он передал «кальян» Сергею. Тот тщательно сглотнул слюну, прежде чем затануться. Саид продолжал:

– Ладно, сейчас покажем вам виртухалку. Улетите по полной программе. Во-он с той чалмой-далмой на голове.

Когда я входил в комнату, то принял эту вещь за произведение художника-авангардиста, который специализируется на изделиях из индустриального мусора. Старик Гельман любит таких помоечных самородков откапывать для своей виртуальной галереи, благо в Сети не пахнет.

– Это самопальный ореол?

– Это хуже. Или лучше, – хитро ухмыльнулся Саид.

Сергей добавил:

– Технически гораздо проще. С точки зрения попсовой сибире, это типа сыроварной и очень глючной бродилки. Но есть такая хакерская байка... Говорят, старик Фасимба из банды «Лед Запилен» на всех взломанных им тачках оставлял визитку со словами: «Что для чайника – варежка с дырками, то для мастера – перчатка без пальцев». Вот и тут так же. С нашей самопалкой можно пошарить самую чистую сибирь, а не то что RPG какое-нибудь. Это как один укол никотина вместо вашей ежедневной полпачки сигарет. Вы будете чистым, свободным электроном, гордо летящим через все сибирские ужасы.

– Попахивает сказками Гибсона, – проворчал я. Сравнение с чистым никотином мне не понравилось. Вспомнилась зловещая капля, убивающая лошадь и аннигилирующая хомячка.

– Вы про старинное худло? Не-е, я вам серьезно говорю. Хотя всякие текучие и бесформенные чудища сибире были и у фантастов, точно. Но реальные люди жутко консервативны. И даже сейчас стараются моделировать свои скины более-менее человекоподобными. Ну там руки-ноги, голова... Это гораздо труднее ваять, и не так интересно, как то, что мы вам покажем. Вот смотрите: у вас два глаза, оба спереди. Сектор обзора не более 200 градусов, если не вертеться. А в сибире такие детальные фиши необязательны. На зрительный нерв можно сливать полный сферический обзор. Слово вы – не человек, а отдельный круглый глаз. Так же и с остальными членами... в смысле, с органами чувств.

– Отдельный круглый член!!! – выкрикнул Саид.

Оба хакера заржали, а я с еще большим сомнением оглядел аппаратуру. Какие-то проводки, смотанные изолентой... Платы, торчащие наружу из открытых корпусов... И два маль-

чиша-кибальчиша, накурившихся гашиша. Очень светлая перспектива, м-да. Сибирьпанк в дырявых варежках.

– Да вы не перегружайтесь, док! Все под контролем. Правда, иногда Саид устраивает всякие штучки под настроение. Типа, чинил он недавно ореол одной тетке, и дернуло его посмотреть, на что ее приемник настроен. А там – мыльный сериал «1001 ночь». Ну, Саид разозлился почему-то. И вместо обычной воспроизводящей головки поставил записывающую. И отдал ей этот ореол, вроде как починил. Так теперь эта тетка – натуральная Шехерезада. Каждый день рассказывает сказки медбратьям на Пряжке.

– Военные давно этим занимаются, – поддакнул Саид. – И в Эмбрионовой долине, там у каждого третьего чипсы в черепашках. А наша Европка как подседа на дешевый ширпотреб, так и не слазит. Сплошная попса-шамса и никакого прогресса. Ну ничего, я вчера подобрался к одной дырке в израильской телефонии. Скоро пойдем доить ихний Моссад-прасад...

– Профессор, не смотрите так скорбно, я пошутил! – продолжал Сергей, возвращая «кальян» Саиду. – С помощью ореола ничего записать нельзя. Стандартная накладка для чайников. А вот когда Саид сделал базар-контроль, это был реальный улет! Аккуратная такая мулечка, прямо в коробочке из-под пульта для телевизора. Начисто вырубает речевой центр на расстоянии десяти метров. Скажем, подходит к нам в кафе очередная плеченосная фея из «Нетпросвета», и давай впаривать какие-то якобы очень крутые и запрещенные варежки. Хотя даже невооруженным лаптем видно, что все ее флэшки нафаршированы троянами УКИБа так, что вот-вот звезды на пластике проступят. Ну, мы этой козе вежливо так говорим – мол, ваша циска купила бы тампакс и заткнулась, не мешала честным кодерам иметь свою «Хакнутую Мэри». Но фея не отстает, ее лишь переклинивает на другую тему...

– Она на ходу строит твой персональный покупательский профиль, я же тебе объяснял, – перебил Саид. – По голосу и прочим ключам. Это не настоящий отовар, но тоже иногда неплохо угадывает желания.

– Ну да, она наверное решила по нашим комментариям, что у нас проблемы с сексом. И давай еще громче нас пинговать: «Виртуальный обмен телами!!! Невиданное развлечение для любителей острых ощущений!!! Почувствуйте мир телом вашей подруги, пока она смотрит на мир вашими глазами!!! И ваша любовь станет крепче!!!» Тогда Саид достает пульт, и на кнопку – чик! И все, немое кино, девица без презента. Ничего понять не может, бедная, руками за горло хватается – полный бряк, в общем. Но однажды Сай многовато травки выкурил и не тем концом пульт направил...

Хакеры снова заржали. Меня дурили и пугали, как новичка.

– Что касается травки... – начал я. И остановился.

Молодежь насторожилась: никак профессор собрался «лечить»? Но я замолчал лишь для того, чтобы понаблюдать, как давно забытый голубой дым вытягивает из памяти вереницу картинок прошлого: костры на крымском берегу, волосатые люди, одетые в одни только феньки... И Лиза-Стрекоза, совратившая меня прямо там, в трех метрах от костра, под звон браслета с бубенчиками на ее щиколотке.

– Что касается травки, у меня тоже был замечательный случай, в августе 91-го. Мы стояли тогда в Рыбачьем, в Крыму. И в одну из ночей, обкурившись, устроили полный сабантуй: пели, плясали, вызывали дельфинов, ходили в автокемпинг грузить цивиллов разными байками... А утром – я только-только уснул, часов в семь – кто-то будит меня и серьезно так говорит: «Вик, нам всем пиздец: в Москве военный переворот!» А я ему отвечаю: «Мужик, ну хоть бы в такую-то рань не грузил, а?! Граждане СССР имеют право на сон! Накурился с утра – иди восход встречай». И на другой бок переворачиваюсь. А днем проснулся, смотрю – натурально, все наши вокруг приемника сидят притихшие. И по всему побережью такие же кружки, словно пена огромной волны сошла, а пузырьки на песке остались. Ну, а вечером мы опять покурили, и у них там в Москве все наладилось. Ладно, чего болтать, давайте сюда ваш хайратник!

– Наш человек, – полу-уважительно, полу-саркастически прокомментировал Саид.

Он поднялся и стал надевать на меня самопальный шлем. Я бросил взгляд на свое отражение в дверце шкафа. Если бы лилипуты решили устроить на голове Гулливера свалку металлолома, его голова выглядела бы именно так. Сергей, помахивая «кальяном», продолжал:

– Честно, профессор, ничего опасного. Грубо говоря, просто смесь телевизора и энцефалографа. Саид даже думает, что этой штукой можно мультиков лечить.

– Каких мультиков?

– Ну, мультиперсоналов. Помните, вы читали лекцию, про виртуальные театры и все такое? И там у вас было про одного мужика, который был одновременно и человеком, и волком тамбовским. И звали его, кажется, Мистер Шакал.

– Не «тамбовским», а «степным». А мистер Джекил – это вообще другая история. Ты наверное спал на той лекции, двоечник.

– Не-е, просто я названия плохо запоминаю. Знаю-знаю, сейчас вы скажете: синдром «мертвой памяти», вся современная молодежь сменила собственную память на комповую, дважды-два в уме не может умножить и имена приятелей не помнит без адрес-бука. А может, это иногда и неплохо? Если машина может за нас бодать какие-то таски, значит, мы можем что-то другое бодать на освободившихся ресурсах. Например, запоминать идеи, а не факты. Так и с волком вашим. Неважно как его там звали, суть-то я себе скачал. Он был типичный мультик, с раздвоением личности. А бывают и с расстройением, и с расчленением... В Сети им полное раздолье, они от этого только шизеют еще дальше. А Саид говорит, что с помощью чистой сибиряки их можно лечить. Типа, обратно в целостную личность компилировать. Кстати, я про вас тоже сначала думал, что вы – мультик. Уж больно у вас хорошо все эти флиртуальные личности выходили...

– Короче, Мамин-Сибиряк, – прервал Саид. – Не отвлекай клиента, он сейчас сам все поймет. Вот этот шарик возьмите в руку, товарищ профессор. Будет ваша мышка, только в трехмерке. Ну, поехали...

Запах и свет.

Сначала все-таки свет, но сразу же накатило и запах, какого мне не доводилось ощущать никогда в жизни. Вспоминалось: походы в горы, поездка в африканский парк-заповедник... Но здесь! В памяти всплыла еще одна сценка: за год до Целлофанового Мора я сижу на холме и гляжу на маленькую белую дворняжку, что весело бегаёт по полю и нюхает разные травки. А я сижу и жутко завидую ее носу, улавливающему сотни запахов – ведь сам я на том холме мог отличить по запаху только полынь, да может еще мяту. Теперь, в виртуальности, я ощущал себя как настоящий собачий нос. Я улавливал запахи сосны, березы, гниющего дерна, запах подсоленной воды и слегка вспотевших тел. И еще множество всего в этом коктейле из чистейшего воздуха.

Сравнение с носом заставило заметить и странности со зрением. Как и предсказывал Сергей, я видел во все стороны – но не видел самого себя. Возникло легкое головокружение. Вернее, лишь мысль о головокружении – самого головокружения не было, ведь не было и головы! Я висел в десяти метрах над поверхностью озера. На берегу виднелся живописный старинный замок. Группа людей расположилась на лужайке у воды.

Но как же мне двигаться, где же ноги, то есть руки? Они остались где-то там, в комнате Саида, и в них – управляющий шарик! Я попытался представить руку с шариком – и тут же почувствовал острые уколы со всех сторон. Блин! Теперь я находился в лесу за озером, прямо в частокле длинных сосновых игл. Надо все-таки аккуратнее шевелить этой «летучей мышкой».

Наметив направление на озеро, я снова представил руку с шариком, как она двигается чуть-чуть вперед – и действительно вылетел из леса, снова оказался над водой. Ну-ка, а если попробовать вбок? Работает! Меня понесло вбок и вниз.

Вода, против моего ожидания, оказалась теплой. Только лишь я подумал о ее вкусе – ох, а как же мне отплеиваться-то от этой гадости? – ощутил, какая она противная. Вылетев на свет из воды, я поднялся метра на три вверх и направился к замку неуверенным зигзагом.

На лужайке у озера разместилась довольно странная компания. Четверо пожилых, но крепких еще мужчин в плавках развалились в шезлонгах, попивая что-то из бокалов (бокалы при этом не опустошались). Рядом с каждым мужчиной, у него в ногах или на коленях, имелось по хорошенькой девушке не старше 14 лет, topless. Все с испугом глядели на меня. Не придавая этому значения, я продолжал гадать, как бы мне «прополоскать горло» после горькой озерной воды. Ага! Я мгновенно перелетел к одному из бокалов и не долго думая плюхнулся прямо в него. Получалось, что по размеру я даже меньше, чем теннисный мяч! Но это меня уже не волновало: я купался в пиве. Да не в простом, а не иначе, как... Ого, уж не в Чехии ли я? И замок вполне соответствует...

Неожиданно трое мужчин просто пропали. Слияли из киберпространства, догадался я. Оставшиеся девочки и мужчина по-прежнему во все глаза глядели на меня. Во взгляде мужчины читалось профессиональное любопытство – я специально подлетел к самым его глазам, но он по-прежнему оставался в шезлонге. А девчонки, похоже, были на работе и не должны были сбегать ни при каких обстоятельствах.

Я миг оказался на бедре одной из них. Она не шелохнулась, лишь огромные глаза расширились еще больше. Прокатившись по теплой, шелковистой коже туда-обратно (у девочки булькнуло в животе), я подпрыгнул и распластался между ее маленьких грудей. До чего приятное местечко, с маленькой родинкой ближе к правому соску – вот бы навсегда остаться здесь, в этой ложбинке... Все померкло. Я снова сидел в комнате Саида.

Хакеры выглядели очень веселыми. Видимо, летая в киберпространстве, я выделял нечто комичное в реальной жизни. Я начал вставать – брюки натянулись, выдавая эрекцию. Пришлось снова сесть.

– Все, док, аборт вам сделали. Кончита ля фигедия! – развел руками Жиган.

– Где это я был? – спросил я осипшим голосом и оглядел комнату, ставшую вдруг маленькой, тускло освещенной коробкой замкнутого пространства. За окном серело низкое небо северного лета. Сейчас оно казалось плохой ксерокопией с хорошей линогравюры.

– Завтра в новостях все узнаете! – заверил Саид. – Надеюсь, это хоть как-то скрасит ваш отходняк: у вас завтра будет кружиться голова и немножко блинковать глаза. Возможны также тошнота и понос. Поздравляю с возвращением в реальность, профессор! Кстати, сны тоже могут быть паршивыми пару дней. Мне после одного такого виртуального бунгала-мангала приснилась комната, полная покойников. И пусть Аллах никогда не даст мне коннекта к эль-Каабе, если я вру – все покойники были с треугольными головами.

Он снял черную лыжную шапочку и бросил на стол. Я поспешно отвел глаза от его голой головы – было там кое-что неприятное, и хотя меня тянуло разглядеть получше, но не пялиться же так явно... Особенно если человек специально скрывает уродство под шапочкой, ходит в ней даже дома. Я перевел взгляд на стол, где лежал черный «плевок»...

И мысленно посмеялся над своей тактичностью. Скрывает он, как же! Наоборот, он с этой шапкой-невидимкой залезает туда, где другие скрывают!

Раньше я видел лишь отдельные простенькие биочипы у Риты. А про «мягкую машину» вообще только слышал. И никогда не думал, что она выглядит так противно. Но сомнений не было. Медузообразное нечто, вшитое в качестве подкладки в лыжную шапочку, было куда более мощным устройством, чем та штуковина, которую хакеры надели на меня! Черный «плевок» Саида, брошенный на стол, сложился пополам, словно камера футбольного мяча. Но сложился еще не совсем, и было видно, как внутри него растопыренные присоски биокomпьютер-

ной подкладки медленно сжимаются бахромой по краям, так что шапочка немного шевелится, как живая. Бр-р-рр...

Я качнул головой, и надетое на голову сооружение из индустриального мусора качнулось тоже. Вот ведь гады! Стало быть, они дали мне покататься в киберпространстве на ржавом велосипеде, а сами при этом следили за мной с «Харлея» на воздушной подушке. То-то они так веселились, когда я вернулся.

На следующий день после знакомства с «чистой виртуалкой» я лежал дома в состоянии, напоминающем сильный грипп, и слушал присланную Жиганом статью. Программа-чтец, которую я поставил еще в 2012-м, обладала неудачной интонацией типа «не могу кончить никак», и я запускал ее только в исключительных случаях. В этот раз я тоже попытался читать самостоятельно, но после первых же строк началось головокружение – предсказания Саида насчет отходняка подтверждались. Пришлось запустить чтеца с его нескончаемым воодушевлением в голосе.

«Вечерний Интернет». Заметка от 17 июня 2016.

ХОЛОДНО, ТОВАРИЩИ, ХОЛОДНО!

Вчера синоптики обещали завалить нас снегом и заморозить. Я по обыкновению решил, что это предвещает теплую погоду. Дай, думаю, тряхну стариной, прогуляюсь пешком за сигаретами. И зря. Только я отошел от дома, как ударил мороз и повалил жуткий снег. Еще с полчаса я месил белую гадость вдоль улицы Фестивальной (мысленно посылая все известные мне китайские ругательства в адрес тех, кто устроил нам такое хорошее лето), после чего вернулся домой, чтобы написать эту заметку.

Кое-кто из наших читателей, вероятно, решил, что сейчас я сравню заснеженный пустырь у стадиона «Динамо» с листом бумаги и поведу речь про холодную, то бишь вялотекущую войну между поклонниками «персональных газет» и сторонниками других средств массового оболванивания. Сейчас, думаю некоторые читатели, я напомню, как в 1999-м Hewlett-Packard начала бесплатно распространять программу Instant Delivery; как вскоре после этого Xerox и еще несколько фирм заткнули рот борцам за права зеленых насаждений, начав выпускать электронную бумагу, называемую в просторечии эльбумом; и как наконец мы докатились до того, что более 40 % читателей газет смогли позволить себе роскошь, которую в прошлом веке мог позволить себе лишь Рокфеллер – то есть печатать персональную версию The Times с одними только хорошими новостями, причем само понятие «хорошего» каждый определяет себе сам.

Увы, об этом я сегодня писать не буду. Потому что, как сказано выше, холодно. Желаящих отсылаю к Паравозову, который в позапрошлом выпуске перечислял всех участников сей холодной войны вместе с их основными аргументами. Стоящих аргументов там, как водится, кот накликал. Вновь всяк кулик свой болт хвалит, и как верно заметил Паравозов, все напирают на таинственное «освобождение читателя». Производители персональных ньюс-принтеров кричат об освобождении от компьютерных экранов, производители «лаптей» и прочих «писисек» – об освобождении от

бумаги и принтеров, держатели типографий – об освобождении от общения с техникой. Завершающим аккордом в этой оде свободе звучит предложение производителей ореолов избавиться от всего лишнего вообще: они обещают проецировать новости прямо «куда надо», без бумаги и экранов. Не стоит забывать и о тех, чья служба на первый взгляд как будто не видна. Однако факты говорят, что и у них есть особое мнение: за прошедший месяц в городе обнаружено еще две подпольные клиники, занимавшиеся имплантацией MTV-чипов, «чипов верности» и прочей нелегальной бижутерии для мозгов.

Уверен, что попадаи к нам неандерталец, он тоже нашел бы, что сказать в защиту каменного топора как средства распространения новостей.

Но перейдем наконец к главной теме, то бишь к холоду. Как я уже заметил, сегодня у меня была возможность убедиться в истинности известных слов Блока, вынесенных в заголовок этой заметки. Вчера аналогичную возможность получили более высокопоставленные лица. Неизвестный (предположительно отечественный) хакер сорвал встречу представителей компании Microsoft с вице-премьером правительства самизнаете-какой страны А. Кумачовым и его помощником. Как сообщил один из участников встречи со стороны Microsoft корреспонденту @-Daily, «во время саммита, проходившего в дружественной обстановке в одном из отделений ВиртЖенева, перед глазами партисипантов появилась шаровая молния (sic!), которая террифицировала собравшихся и вынудила их прервать негоциацию. Шаровая молния эмитировала очень яркий свет и некомфортабельный холод».

Как видите, и на теплых виртуальных курортах никто не застрахован от мурашек. Представители Мелкомягких предполагают, что провокация была спланирована радикально настроенными представителями российской оппозиции, борющимися против дальнейшей экспансии MS Roots на рынок стран Восточноевропейского Союза.

На момент писания этих строк расследование еще не принесло никаких результатов. Это было бы не удивительно, если бы речь шла только об американцах. В конце концов, они еще не оправились от своего Великого кризиса и последовавших за ним беспорядков. Над Флоридой, где все еще хозяйничают кастристы, клубится сладкий дым запретных нанотехнологий. С юго-востока на соединение с кубинскими товарищами рвутся колумбийские сендерельцы, ухитрившиеся зомбировать почти всю Мексику одной лишь марксистской мантрой, а заодно и захватить левой ногой Панамский канал. И тех, и других поддерживают банды веселых американских парней, которые препарируют полицейских швейцарскими лазерными альпешитаками и зовут себя «Дети Троицкого». При таком раскладе срыв одной сетевой конференции – сущий пустяк. Даже позавчерашняя дурацкая история про мальчика, в рот которому залетел ФБРовский «жучок» и поцарапал крылом язык, вызвала куда больший резонанс в мелкомягких сердцах североамериканских домохозяек.

Другое дело, если смотреть на срыв переговоров отсюда: мы о таких шутках не слышали давно. Как вы наверняка помните, меры по борьбе с хакерами и контент-цензура в Рунете резко ужесточились после скандала 2004 года (который, как утверждают оппозиционеры, был основной причиной столь неожиданного результата президентских выборов). Ненавистный УСОПМ, поднявший свою гадкую голову над Сетью после тех странных

выборов, попортил достаточно крови свободолюбивым гражданам Рунета, многие из которых даже вынуждены были отвальсировать в разнообразные Бостоны. Когда по окончании «усормовской пятилетки» новое правительство провело значительные сокращения в рядах УКИБ и прочего зеленоглазого ФАПСИ, многим казалось, что это означает долгожданную свободу слова и вообще полный ренессанс. Однако я еще в мае 2011-го писал, что децентрализация полицейского надзора отнюдь не означает его отмену, а может привести лишь к более тугому закручиванию гаек частными охраняемыми предприятиями. Что мы и имеем сейчас, когда лицензию на «деятельность по обеспечению информационной безопасности» получить так же легко, как в конце двадцатого века – устроиться работать охранником в супермаркет. Как при этом было допущено залетание шаровой молнии в сетевую беседу столь высокопоставленных лиц, остается загадкой.

Проделав несложный поиск по своему календарю, я обнаружил еще один факт, который загадочным образом связан с происшествием в ВиртЖеневе. Ровно 200 лет назад, в 1816 году в этот самый день на вилле Диодати на Женевском озере состоялась знаменитая посиделка, во время которой лорд Байрон (ныне более известный как отец первой программистки Ады Лавлейс), а также поэт Шелли и его невеста Мэри Уоллстонкрафт-Годвин рассказывали друг другу истории о привидениях. На следующее утро после странного кошмара, виденного ею ночью, Мэри Годвин объявила, что сочинила роман о чудовище, созданном неумным человеческим гением. Таким образом, сегодня – 200 лет «Франкенштейну», одному из самых мурашкогонных романов XIX века, действие которого, кстати, начинается в Петербурге. И сегодня же, спустя ровно 200 лет, мы имеем официально зарегистрированный случай явления виртуального привидения на высшем уровне, то есть на уровне компьютеров в петербургской резиденции вице-премьера.

На этом можно было бы и закончить сегодняшний выпуск. Более того, для несовершеннолетних пользователей, а также для противников узкопрофессиональной лексики он именно здесь и заканчивается; дальнейший текст на этой странице вышеперечисленным категориям лиц читать не рекомендуется. Все остальные приглашаются заценить результаты еще одного изыскания, которое я провел в связи с явлением привидения в ВиртЖеневе.

На прошлой неделе я приобрел на «Горбушке» редчайшую вещь – бумажное здание «Нет-ликбеза» Пегаса Пооралилпипидова. При всей наивности этих определений пятнадцатилетней давности, многие из них и сейчас перечитываются с удовольствием:

«ВИРТУАЛЬНЫЙ СЕКС – способ общения посредством Сети. К настоящему сексу не имеет никакого отношения. Вероятно, столь странное название возникло потому, что многие термины электронной культуры образовывались путем присоединения приставки «Е» к обычным словам, так что новые слова часто путали с терминами из сексологии. В результате этого термины электронной культуры, которые вначале использовались лишь в сугубо деловой речи (ЕБИЗНЕС), стали применяться и для выражения самых разнообразных эмоций – как отрицательных (ругательство «ЕБИЗНЕС ВСЕ КОНЕМ!»), так и положительных (тост «ЗА ЕБИЗНЕС!»). См. также: ЕБЛОКНОТ, ЕБУМАГА, ЕБОМБА, ЕБУРГ, ЕБЕРДИЧЕВ, ЕБУ-ЭНОС-АЙРЕС.»

К чему это я вспомнил «Нет-ликбез»? А вот к чему: не нашел я там термина для обозначения виртуальных привидений. Хотя нашел электронных троллей, гоблинов и еще ряд

персонажей из древнешотландского фольклора. Тогда я собрался с духом и самостоятельно вывел новый термин из соответствующей мифологии с помощью все той же приставки «Е». Получилось и впрямь сексуально: ЕБАНЬШИ. На этом теплом слове я и закончу сегодняшнюю заметку, посвященную самой любимой теме человеческих разговоров – плохой погоде.

Вечером у меня появился и сам Сергей. На мое недовольное бурчание о дурацких экспериментах он ответил:

– Так вы же сами хотели узнать, как можно управлять сразу несколькими ВЛ. Мы вам и показали... примерно. Если хотите несколько персонажей запустить вместе – нужно просто находиться в нескольких таких реальностях одновременно.

Я попытался представить себя в нескольких реальностях одновременно. Ничего хорошего, кроме нового приступа головокружения, из этого не получилось. Нет, хватит с меня телепортаций.

От Жигана не укрылось, как я скривился.

– Да нет, док, вам вовсе не надо будет отбиваться от шести компфеток сразу. Я же говорил: сибирь может быть разной. То, что вы видели – просто копия реальности. Но можно использовать визуализацию и для другого. Например, для работы в многомерном пространстве. Вы в таких пространствах постоянно работаете, хоть и не всегда осознаете. Вот лицо, например – многомерное пространство. Вы мгновенно воспринимаете выражение лица собеседника, и сами изображаете что-то на собственном лице, не задумываясь и даже не видя его. А ведь каждая гримаса – это одновременная работа глаз, бровей, рта и еще кучи примочек. Компьютеры тоже могут воспринимать множество команд одновременно. Но между человеком и компьютером получается «бутылочное горлышко» – желтый интерфейс. Если эту задачу решить...

– Ага. Чтобы я, значит, улыбнулся – и Орлеанская уболтала какого-нибудь директора. При этом я еще пошевелил бы бровями – и тем временем Малютка Джон нашел бы дыру в криптографической системе. Как-то слишком просто у тебя получается, Сережа.

– Не совсем так, но идею вы верно скачали. Другое дело, что нужно найти подходящее отображение, чтобы так рулить. Вот вы любите сравнивать наши виртуальные личности с марионетками, а отдельные варежки – с отдельными частями этих кукол. Стилистический фильтр или там хакерский бот-тестер – это рука. Амстердамская секс-машина – тоже понятный орган, хотя тут дело хитрей, если она самообучается. Более умный демон-менеджер, который задает целевые установки – это, скажем, голова. И так далее. Красивая менюшка, но что с ней толку? Когда кукловод ведет куклу, он не шарит каждый раз по мемуарам, чтоб отдельную пимпочку-веревочку загрузить. Он проделывает один жест, в котором участвуют все пальцы – и кукла оживает. Такие жесты нас и интересуют. Если постараться, можно выбрать такую факторизацию, что в вашем управляющем пространстве вы будете показывать руками индийские мудры. Или лепить снежную бабу.

– Я пока только одну такую снежную мудру знаю. «Фигура из трех пальцев» или как вы там говорите.

– Точно, «выход тремя пальцами», Alt-Ctrl-Del. Классика. Примерно так и с остальными. Кстати, вы сами регулярно проделываете подобные пассы, когда водите пальцем по «тачке» своего ноутбука, гоняя курсор. Или когда печатаете вслепую. Вот глядите.

Он вынул и положил на стол свой верный «лапоть», а затем проделал над ним серию движений, похожих на особый вид каратэ для тех, кто принципиально дерется только кончиками пальцев. В ответ на последнюю замысловатую кату моя комната взорвалась звуками: зазвонил телефон, застрекотал принтер и громко свистнул лаптоп. Я поморщился.

– Но учиться все равно надо на чем-то видимом.

– Не обязательно... Сам я, конечно, учился на видимых клавишах. Вот эта – самая простая.

Жиган выполнил еще один прием своего бесконтактного тай-чи, и над «лаптем» возник голографический контур трехмерной ступенчатой клавиатуры, похожей на детскую модель замка из кубиков. У замка было две башни, каждая окружала одну из кистей Сергея. Он снова бросил пальцы веером в пространство – фантомные клавиши пропали.

– Самая простая? Ну нет, я этому никогда не научусь, – махнул рукой я. По правде говоря, мне не очень-то и хотелось.

– А вам и ни к чему. Я же говорю – вовсе не обязательно учиться, как отдельно двигать локтем, отдельно коленом. Можно сразу учиться танцевать. Ну по крайней мере попробовать можно. Не зря же мы вчера стащили духогонку у этих шаманов из «Врат Закона». Теперь...

– Погоди, какую духогонку, кто стащил? «Врата Закона» – это Кафка, что ли?

– Нет, это люди Билла Гейтса. Шишки из круга стратегического управления MS. Духогонку они у себя используют для маркетинговых исследований. Типа как духа вызывают, он им видения будущего показывает...

– Пау-вау?

– Точно! вы-то откуда знаете этот софт?

– Я не знал, что это софт. Так у индейцев называется процесс общения шамана с духами. В общем-то это контролируемые галлюцинации.

– А-а, понятно. Я-то имел в виду секретную варежку, с которой шишки из MS колдуют. Она тоже называется пауа... короче, духогонка по-нашему. На пиджаковом языке – бизнес-органайзер для внутреннего пользования. Очень толковая штука. Сама строит оптимальную визуализацию задачи на основе ваших данных и собственных изысканий по Сетке. И выдает результат в виде наиболее простой системы образов. После предлагает вам эту систему подправить, тоже на образном уровне.

– Но мне-то с ней общаться на каком уровне? Небось клавиша еще покругче твоей.

– Никакой клавиши. Новое поколение интерфейсов, нам такие экспортировать не будут еще лет пять. Клавы тут вообще нет как фиксированной девицы, про которую вы сначала учите, где у ней какой батон, а потом составляете целые жесты-команды. «Дух» все наоборот делает. На основе команды, полученной в образном представлении, он создает как бы новую клавишу-образ для следующей команды. Причем ваш ответ отслеживается на уровне таких тонких реакций, что это даже похоже на чтение мыслей... Короче, выходит управляемая галлюцинация, как вы и говорили про индейцев. Думаю, вам понравится.

– Ты хочешь сказать, это можно поставить на моем ноутбуке?

– Не, на вашей «соньке» Духа не запустишь, ему вашей пары гигагерц маловато. Будете через Сеть его вызывать. Мы с Саидом уже нашли мощную тачку в одном штатовском универе. Туда духогонку и слили после вашего вчерашнего рейда.

– Моего рейда?! Я же ничего не делал! Разве что компфеток всех перепугал, как этот... отдельный круглый член.

Ну, в общем да... – Сергей замялся. – Как бы это вам помягче объяснить... К шаманам Гейтса у нас лазит обычно Саид, через дыру в их собственной MS Rooms, они специально оставили там черный ход для ФБР. А Сай когда-то слазил в башку к одному фебу. Короче, дырка эта в Румах очень полезная, светить ее не хотелось...

Я вспомнил «шапочку» Саида, которая показалась мне куда более мощной машиной, чем самопальная развалина, надетая хакерами на мою голову. Так вот, оказывается, в чем дело!

– Все-таки надрали старика, гады! Вам нужна была шумная подсадная утка, верно? Незванный гость хуже Гагарина?

– Типа того. Надеюсь, вы не в обиде? Я Саиду рассказывал, как вы Робина запускаете. И каждый раз так круто придумываете, чтоб в самую болевую точку слегка ударить – и все тут же показывают регистры. Сай прикололся, и говорит: есть одна умная варежка, как раз для таких гамов, могу достать. Но его же ни хрефа не заставишь просто так сделать! Ему все с

хохмой надо! Вот он и предложил вас вперед пустить. Благо вы в сибире первый раз, и вести себя должны были, как полный чайник. Шаманы и списали все глюки на ваше вторжение, да еще на свой аварийный выход из ВиртЖенева. А мы тем временем втихую скачали духогонку у одного из них. Как поправитесь, запустим Дух Охотника Хорна.

– Ого! Теперь моя очередь спросить – откуда узнал?

Жиган просиял. Заметно было, что знанием этой детали «Легенды о Робин Гуде» он гордится не меньше, чем удачной кражей программы-органайзера.

– Так вы все нудели, что я не помню всяких там худловых имен! Прямо как на экзамене. Вот я и пошарил по сусекам. Оказывается, этот Дух Охотника с оленьей башкой – он-то и был самый главный у Вольных Стрелков. Робин с ним всегда советовался. Теперь и у нас такой будет...

Аудиенция для агента Z256 начинается...

– предупредил компьютер, возвращая меня в настоящее.

Ну все, хватит воспоминаний на сегодня. Надо делать умное лицо – сейчас придется общаться с идиотами.

Тетрисовский интерьер кабинета померк и сменился другим, но тоже знакомым. Я оказался в комнате, где меня допрашивали люди из «Аргуса». Пиджаковый точно так же сидел за столом. Но сегодня он был один, что радовало.

– Здравствуйте, Виктор Франкович. Приятно видеть, что вы так быстро все обдумали. Внимательно слушаю вас.

Я вздохнул, закрыл глаза... Врать так врать!

– Группа Робина планирует удар по одному из офисов ОРЕОЛ-ТЕЛЕКОМ. Кажется, это будет сильный электромагнитный импульс. Послезавтра.

– Хм-м... Нельзя ли поподробнее? Какой именно офис, откуда импульс, насколько мощный?

– Мне не докладывают.

Пиджаковый улыбнулся:

– Если у нас с вами все пойдет хорошо, я бы мог посодействовать, чтобы вас взяли в штат. Тогда и вам будут докладывать.

– Спасибо, не надо. Русские литераторы прошлого века и так слишком много внимания уделяли не тем органам, каким стоило бы.

Улыбка пропала с лица пиджака. Теперь он говорил так, словно топтал рассыпанные по полу чипсы:

– Мы уже имеем информацию. Об ОРЕОЛЕ. Получена сегодня. От леди Орлеанской. Тоже про удар. Неизвестным оружием. И тоже неясно, по какому из офисов. Вы добавили лишь дату.

Ничего себе совпадения! Кто-то повторил мою выдумку? Раньше меня?! И опять эта Орлеанская, которая сама является моей собственной выдумкой!

– Вы чем-то обеспокоены, Виктор Франкович?

Теперь я постарался придать лицу выражение поглупее.

– Да, немного обеспокоен. Вы мне обещали канал для передачи. Как говорится: дай, Джим, на счастье мне дайлап и все такое прочее...

– Ах, вы об этом. Конечно!

Пиджак снова стал само радушие. Видно, решил сразу ухватиться за проявление меркантильности с моей стороны. Неужели эфэсбэшников и вправду учат по книжкам Карнеги?

– Мы проверим вашу информацию, и если она подтвердится... Я хочу сказать, она почти подтверждена, так как получена из двух разных источников... Но посмотрим. Если все верно, вы получите свой канал, а на вашем счете появится, хмм... скромный знак нашей благодар-

ности. Надеюсь, мы и дальше будем сотрудничать с обоюдным удовольствием. Поверите ли, я даже могу организовать вам и вашей новой передаче неплохой индекс цитируемости. У нашей службы стабильные бартерные отношения с несколькими информационными каналами. Кстати, неплохой просветительский слоган вы сейчас сказали, про Джима. Не могли бы повторить?

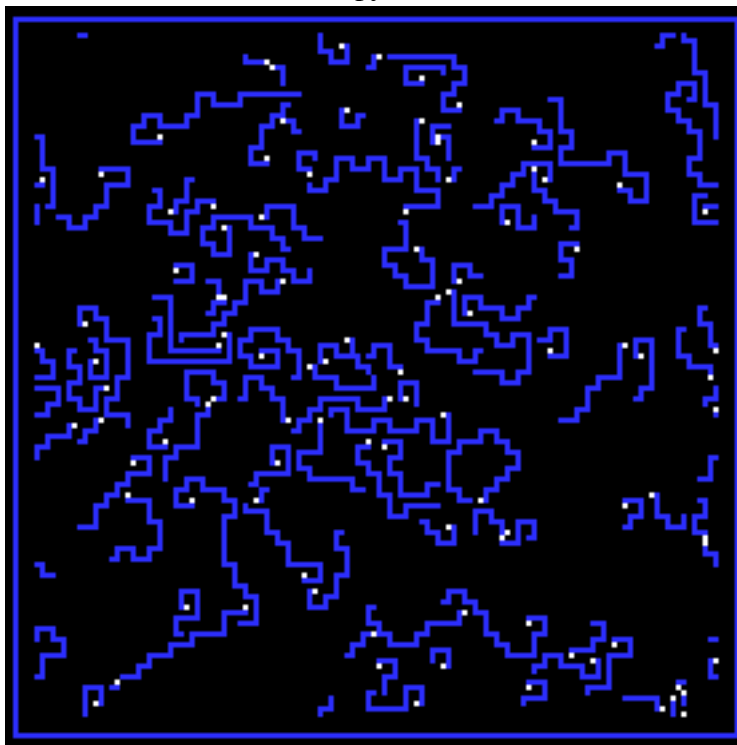
– Это был экспромт, я уже забыл его. Но вы ведь записываете наш разговор, не так ли? Разве вас не учили этому в академии УКИБа или где вы там еще «просвещались»?

Пиджак подался вперед и пристально посмотрел мне в глаза. Ну нет, на расстоянии этот трюк не работает, гражданин начальник. Я зевнул и потянулся, как бы невзначай щелкнув ногтем по стене-экрану. Пиджак понял, что игры в гляделки не получится, и снова откинулся на спинку стула.

– Вы наверное считаете меня тупым солдафоном, Виктор Франкович. Жаль. Мы могли бы сработаться. А вы лично, с вашими знаниями, могли бы стать неоценимым специалистом в области... да, просвещения. Жаль. Между прочим, стихотворение про Джима, строчку из которого вы сейчас переделали, написал Пригов Дмитрий Александрович. Видите, я не такой уж невежа.

– Вы имели в виду «невежда» или все-таки «невежа»?

Пиджак ничего не ответил и исчез. Вокруг меня снова был «кабинет-34».

Часть Вторая: Мэриан

*любящая ушами
я выбирал для тебя серьги
долго-долго
и наконец взял
за \$3 у сумасшедшего негра
эти подвески из мелких ракушек
чтобы с каждым шагом ты слышала
чуть-чуть океана
теперь
на другом конце света
сисю у залива
и в шорохе каждой волны слышу
твои шаги
(Виктор Степной, «Голоса тишины»)*

Клетка 6. Прогулка

От: (не указано)

Тема: (не указано)

Дата: 7 марта 2018 г. 9:06

Для сотрудника Z256. Ваша информация подтверждена. Вознаграждение переведено на Ваш счет. Запрос о канале для образовательной программы удовлетворен. Доступное время для трансляции с 7:00 до 8:30 ежедневно. Подтвердите получение этого сообщения для получения адреса канала и пароля. Надеемся на дальнейшее сотрудничество. Служба безопасности АРГУС.

От: Жиган

Тема: Wow!

Дата: 7 марта 2018 г. 9:43

Привет Профессор!

В нашем полку прибыло? (см. вложение)

Сильная плюха! Надеюсь, Вы познакомите меня с этими нукерами?

Пишу прямо с лекции, поэтому мылом. Позже звякну, обсудим подробнее.

Всего,

Жиган.

Вложенный файл: Москва-Ореол-Теракт

CITYCAT, 07.03.18. Сегодня утром локальная компьютерная сеть главного офиса компании ОРЕОЛ-ТЕЛЕКОМ в Москве подверглась деструктивному воздействию неизвестной природы. В результате происшествия повреждено коммуникационное оборудование и большинство устройств памяти в здании компании на Ленинградском проспекте. Благодаря предупредительным действиям сотрудников агентства безопасности «Аргус» удалось спасти большую часть деловой информации: резервные копии документов были сделаны за день до террористического акта и сохранены на компьютерах другого отделения ОРЕОЛ-ТЕЛЕКОМ. Однако само разрушительное воздействие предотвратить не удалось, несмотря на предупреждение. Ведется расследование загадочного случая. Представители «Аргуса» пока не

сообщили, каким образом им удалось узнать о готовящемся теракте. Однако они заявили, что преступное действие против ОРЕОЛ-ТЕЛЕКОМ совершено хакерской бандой «Вольные Стрелки».

Прибытие почты прервало мою медитацию. Аура орхидеи, едва заметно колыхавшаяся в воздухе желто-зеленым спрутом, ровно в десять дважды вспыхнула синими спиральями, а сам цветок раскрылся чуть больше.

Сейчас Рита наверняка реализовала уже целую кучу сумасшедших биокомпьютерных проектов. И теперь какая-нибудь плесень в ее лаборатории считает дифференциальные уравнения или хранит в изгибах ворсинок всю «Войну и мир». Я так и запомнил Риту среди ее монстров: она вынимает из пасти биоэлектронного чудовища маленький разъем и вставляет... То есть конечно не вставляет, а просто берет в рот и держит зубами, как сапожник держит гвозди, чтобы освободить руки. Я помнил ее и в другие моменты жизни, помнил бледное родимое пятно на ее бедре, словно след от пролитого на мрамор кофе, помнил и ее любимый жест раздумья: поднятая рука с открытой и немного вывернутой назад ладонью, словно она несет над плечом невидимый поднос... Но что касается ее работы, я всегда представлял Риту именно такой – с руками по локоть в чреве машины и с блестящим разъемом во рту.

Орхидея была одним из первых созданий Риты. Она потому и подарила мне именно эту «самую древнюю игрушку»: я был для нее «человеком архаичным», поскольку не любил ее изошренных издевательств над природой. Может быть, из-за моей архаичности мы и расстались. Даже назначение этой орхидеи меня раздражало. Не будь она прощальным подарком, я бы давно ее выкинул. Что за садизм – делать цветок индикатором процессов, которые происходят в компьютере!

Я никогда не использовал орхидею по назначению, лишь иногда включал ее собственную ауру и медитировал на ней. В моем лаптопе все равно ничего особенного не происходило. И только сегодня два неожиданных письма отразились на состоянии цветка. Я и забыл, что «сонька» каждый час проверяет почту, а цветок по-прежнему подключен к компу. К тому же первое из писем потребовало идентификации карточкой «Аргуса», а жигановское послание пришлось расшифровывать: в оригинале оно представляло собой довольно тошнотворный порнографический снимок с участием пяти человек. Только разобравшись с письмами, я вспомнил про цветок.

«Извини, не нарочно, – мысленно сказал я орхидее. – Надеюсь, ты не обиделась.»

Как бы ни был примитивен биоиндикатор Риты, этот полуваленок-полукомпьютер был самой современной техникой в квартире. Мой старенький лаптоп-«сонька» давно удивлял знакомых. Некоторые даже высказывали предположение, что он собран еще в 20-м веке. «Чего ты не поставишь нормальную тачку?» – спрашивали они.

Обычно я отвечал, что у меня и так все есть бесплатно в Университете, а дома мне, кроме почты и текстового редактора, практически ничего не нужно. Когда меня выгнали из Университета, денег на новую технику все равно не хватало. Да и те игры, в которые я играл, не стоило устраивать дома: через Нет-кафе и различные инфо-центры гораздо удобней заметить следы.

Но существовала и более глубокая причина такой самоограниченности. Я всю жизнь старался ни к чему особенно не прикрепляться: ни к людям, ни к городам, ни к работе, ни к технике. Забираясь поглубже в воспоминания детства, я видел, откуда происходит эта отчужденность. Слишком быстро прошел тот светлый период жизни, когда родители кажутся самыми большими, самыми умными и самыми красивыми людьми на свете. Уже в школьном возрасте я видел, что мать – обычная истеричка, далеко не умная, но настойчивая в своем желании контролировать все вокруг... или хотя бы в своей семье. А отец – замкнувшийся в себе пьяница, в котором погиб художник. Тем не менее, при всех ссорах и постоянной нервозности,

их союз был крепким, как симбиоз водоросли и гриба в лишайнике. Ее окрики и его окурки – чем дальше рушился мир вокруг них, тем крепче была эта связь, основанная на простом психологическом дополнении, которое иногда называют любовью. В свою сеть они пытались затянуть и меня. «Зачем ты закрываешься в комнате? Что ты от нас прячешь?» – кричали они. А я, тогда еще школьник, не мог понять, чего они хотят: ведь я ничего не прятал, я просто читал «Последнего из могикиан» и не хотел, чтобы мне мешал их шум с кухни.

С годами я учился закрывать за собой дверь все лучше и лучше: не проживал больше года в одной и той же комнате общежития, не имел друзей – да-да, как герой Лермонтова, я имел лишь приятелей, но не друзей, у которых плачутся на плече. Я ненавидел все эти русские «разговоры по душам», эти пьяные кухонные «ты меня уважаешь?», когда все выворачивают свое грязное белье друг перед другом, заставляя тебя делать то же самое, заставляя связываться с ними этим сомнительным «душевым родством» и подтверждать своим участием их дурацкий закон перехода количества в отечество.

И все же я был связан. Прежде всего с родителями: еще одна странная форма псевдолюбви, какой-то инстинкт человеческий – вылетевшая бабочка вряд ли испытывает такие чувства по отношению к опустевшему кокону. Но человеку вбивают: так просто не улетишь, нужно делать что-то для них, ведь они столько сделали для тебя и так часто про это напоминали. И я учился на все пятерки, чтобы они показывали потом грамоты родственниками и соседям, я разгрызал чертов камень науки в своем институте, работал и снова учился... не связываться. Учился захлопывать дверь. Я играл на чужих гитарах, жил в чужих городах, совращал чужих жен. Я нашел странное удовольствие даже в самом акте покидания разных учреждений, стран и людей. Именно так раз за разом удавалось поймать за хвост настоящую свободу, точно мелькнувшую под дверью полоску света. Несколько часов в самолете – и страна общественного транспорта сменяется страной личных машин, а город мобильных телефонов – городом автоответчиков. Лишь во время таких переключений можно почувствовать, какое огромное число людей заблуждается, принимая за свободу лишь свою местную стадную моду, зачастую навязанную искусственно.

Но и мир не стоял на месте, он шел за мной по пятам, становясь все более изощренным в своей цепкости. И нужно было бежать все быстрее, с почти пулеметной частотой захлопывая за собой двери ловушек. Блокнот, ручка, чтиво и плеер – в рюкзаке, и немного денег, заработанных на случайных работах, – в кармане. Вот все, к чему я шел.

И как только дошел, появилась Сеть.

По первому впечатлению, Сеть позволяла порвать еще больше связей, скинуть еще больше оболочек. Даже имя.

Насчет имен мы часто спорили с Жиганом. Он соглашался, что возраст, пол, происхождение, профессия зачастую и вправду лишь ненужные условности, оставить которые «по эту сторону экрана» – одно удовольствие. Но имя?... Нет такого человека, который не стремился бы как-то выразить свою индивидуальность, говорил Сергей. А как подтвердить подлинность этого выражения, если не именем? На этом, рассказывал он, засвечивались даже самые крутые хакеры. При всем их опыте конспирации нет-нет да и вылезет древнее желание шепнуть по секрету всему свету: «это я сделал, это я!»

Чушь, возражал я. Какое отношение к индивидуальности имеет бирка из букв? Желание «засветить» имя – это скорее комплекс неполноценности, жажда получить признание своих заслуг в социуме. Если ты действительно Личность – тебе не нужна вся эта бюрократия доказательств и подтверждений. Ты можешь сменить хоть тысячу имен – если ты Личность, от тебя не убудет.

«Как Бог?» – спрашивал Жиган. «Не совсем, – отвечал я. – Ведь „Бог“ это тоже имя...»

Погруженный в эти размышления, я закрыл дверь квартиры и стал спускаться по лестнице. С некоторых пор я взял себе за правило не пользоваться лифтом. Нечто подобное случилось и в моих отношениях с Сетью. Я понял, что к ней тоже не стоит приклеиваться. Выработка иммунитета против графической лихорадки, синдрома гестбукера, «мертвой памяти» и еще нескольких сетевых болезней – все эти маленькие победы я вовремя записал на свой счет, пока Сеть была еще не столь искусна, чтобы обмануть меня.

Но даже борьба с отдельно взятым почтовым ящиком чуть не закончилась однажды победой ящика. Несмотря на то, что я успешно отбил от нескольких мейлин-глистов, огромные текстовые потоки почты привели меня на грань нервного срыва. Я путал имена и даты, говорил невпопад и видел наяву сны про расплывающуюся букву «ю», которую постоянно умудрялся ставить вместо точки, забывая переключить регистр. Я стал проверять слова, читая их словно бы с опечатками, хотя опечаток там не было, они возникали лишь у меня в голове: среди папок своего почтового ящика я видел «Отравленные» и «Удавленные» вместо «Отправленных» и «Удаленных». И главное, я сам не осознавал опасности своего состояния.

Спасла меня, как ни странно, та самая Ошибка-2000, которая некоторым стоила жизни – я имею в виду несчастных паникеров типа того итальянца, который в канун Нового года из-за страха перед компьютерным хаосом снял с банковского счета сбережения всей своей жизни, и буквально тут же на улице был ограблен на всю сумму. В нашем Университете обошлось без таких ужасных жертв. Однако компьютеры факультета, произведенные чуть ли не в эпоху Мин, все-таки пострадали. Правда, я так и не понял, что с ними случилось. Еще в декабре не совсем добрая фея в лице не совсем трезвого системного администратора начала уверять меня, что в новогоднюю полночь моя персоналка, так же как машины нескольких друг их университетских Золушек, превратится в тыкву. Однако на просьбу показать мне это превращение сисадмин всегда отвечал тем, что сам превращался в крысу. По-моему, он просто использовал шум вокруг Проблемы-2000 для того, чтобы выбить из начальства крупномасштабное обновление своего парка. Причем делалось все в наилучшей последовательности, как обычно делается в этой стране: старые тыквы были уже сняты, а новые – только заказаны, и установить их обещали не раньше Старого Нового года.

Пользуясь случаем, я взял отпуск и уехал на дачу, оставив приятную обязанность по приему экзаменов тем своим коллегам, у которых с тыквами было все в порядке.

Первую неделю без компьютера я чувствовал себя как наркоман, лишенный очередной дозы. Я ловил себя на том, что мысленно составляю письма или даже перебираю в воздухе пальцами. Однажды, увидев на окне муху, я автоматически потянулся рукой – нет, не к мухе, а в правый угол подоконника в поисках мышки. О дурацкой реакции на разные шелчки, позвякивания и прочие приусадебные звуки даже говорить не стоит.

Зато к концу месяца появилось чувство глубокой благодарности к тем людям, которые много лет назад сэкономили на числе разрядов в электронной записи времени. Из-за перерыва в общении с Сетью нервы мои успокоились до самой дзенской гармонии. Вернулся аппетит, а с ним и весь окружающий мир, который за годы работы успел незаметно сузиться до рамок экрана.

Вскоре после этого я купил портативную «соньку» и зажил по принципу «мой комп – моя крепость». Самым действенным способом обороны стал отказ от всяческих апгрейдов и установки нового чудесного софта. С тех пор мне вполне хватало лаптопа.

Да и то сказать, иногда и его бывало многовато. Два сегодняшних письма были как раз из разряда вещей, от которых мало толку, зато непонятного еще больше.

Даже самые продвинутые из моих виртуальных личностей неспособны долгое время функционировать автономно. Кто-то должен ставить цели, отдавать команды. И самое хитрое – нужно тянуть за все ниточки в такой последовательности, чтобы кукла выглядела живой, а управляющий ею человек оставался в тени.

То, что Орлеанская зажила собственной жизнью, само по себе не удивляло. Такое случилось и раньше, и даже шло на пользу моим персонажам, повышая их популярность. Нередко до меня доходили слухи о новой наглой проделке Малютки Джона, или о том, как совет Монаха Тука чудесным образом спас кому-то карьеру или личную жизнь. Причем слухи эти относились к событиям, в которых сам точно я не принимал участия. «Не мою» Орлеанскую тоже мог сыграть любой другой человек. Для постоянных акций ему, конечно, понадобилась бы такая же, как у меня, электронная марионетка с элементами искусственного интеллекта. Личное выступление под маской требует слишком много энергии для перевоплощения. Да и разоблачить такого «переодетого» куда проще, чем разоблачить хозяина марионетки. Но для одного-двух заявлений от имени «Орлеанской» он мог бы обойтись одним только псевдонимом, вручную подделку «почерк» да обеспечить засекречивание своего настоящего адреса.

Однако теперь «не моя» Орлеанская еще и предсказывает мои собственные выдумки. А выдумки эти – совсем мистика! – сбываются, делая из меня настоящего доносчика. Может, я стал мультиком и сам не помню, что натворил, когда запускал свою королеву флирта в последний раз? Только шизофрениии мне на старости лет не хватало!

На улице было прохладно. Первый же порыв ветра взбудрил меня до дрожи, второй прояснил голову. Пожалуй, не буду-ка я предаваться мучительным раздумьям, а пойду поем хорошенько. Тем более, что есть деньги. Вспомнив об этом, я вынул личку и прижал палец к квадратную «Финансы». Давненько мы не грели своими папиллярами этот сенсор...

Личка высветила «5200». Ого! К моим двум сотням добавилась солидная пятерочка. Неплохо платят шпионам! Я вышел на Каменноостровский, купил мороженое и пошел дальше по проспекту, высматривая, где бы хорошенько поесть.

У меня не было постоянных любимых заведений в городе. Вернее, был пяток кафе, куда я любил иногда зайти – но в таких случаях, как сейчас, я предпочитал пробовать что-нибудь новое.

Новое не заставило себя ждать. Я остановился у «Фуджиямы» и подумал, что сто раз проходил мимо этого ресторана, ругая его американизированное название, но так ни разу и не был внутри. Что ж, пора проверить, насколько сбой в названии влияет на кухню.

Ресторан оказался неплох. Хотя бы потому, что на дне тарелок не крутились рекламные ролики, как это происходило теперь в большинстве заведений попроще. Музыка, дуэт кото и флейты, тоже была подобрана со вкусом. Здесь можно было не только поесть, но и насладиться «радостью Робинзона» – популярным ныне способом отдыха, состоящим в максимальной изоляции от окружающего мира, особенно от агрессивной рекламы. В центре города такой отдых стоил немало, но при нынешних финансах я мог себе позволить продлить утреннюю медитацию, прерванную приходом почты.

И дело того стоило: после полутора часов тихой музыки, после грибного супа, двойной порции маки с копченым угрем и нескольких чашек японского зеленого чая настроение мое улучшилось настолько, что раздумывать о сетевых казусах вообще не хотелось. Никаких Орлеанских, никаких Сетей – гулять!

В больших городах я любил побродить просто так, отпустив себя в бесцельное броуновское движение. Но я называл это «свободным поиском», потому что такие прогулки всегда приводили к чему-нибудь интересному. Для недолгих блужданий лучше всего подходили большие вокзалы и рынки, а для прогулок на целый день – даунтауны городов, особенно незнакомых, где улицы словно сговаривались против запутавших странника мыслей, дел и людей. Передавая меня друг другу на углах, заговорщики-тротуары в конце концов ослабляли мои повседневные пути, и тогда город вел меня дальше по собственным тропам, показывая Настоящее, подбрасывая свои особые знаки в виде неожиданных, но таинственно связанных с моей жизнью находок и встреч.

Они бывали смешными, как плакат «Достоинo встретим XX съезд!», висевший над писсуаром в баре «Vortex» на негритянской окраине Атланты. Или тревожно-многозначительными, как схема станций метро на «Звездной», где синяя линия после кружочка «Купчино» идет дальше, занимая большую часть стенда и обрываясь вместе с ним, словно по этой ветке можно ехать под землей еще долго, но только без остановок. Каждый раз, разглядывая людей и витрины, я чувствовал, что должен встретить что-то, что оправдывает это блуждание: книгу, которую я давно собирался прочесть, человека, который заговорит о том, что у меня на уме, любимую песню молодости в исполнении уличного музыканта... Или просто странную безделушку, как брелок с ракушкой «песчаный доллар», который поднял мне настроение в злом и холодном Нью-Йорке, где я никак не мог совладать с проклятым принципом «Время – деньги».

Немного не доходя до «Горьковской», я заметил очередную рекламу на библейскую тему. На этот раз огромная стереопроекция представляла собой переделку «Мадонны Бенуа». Ребенок с блестящим обручем над головой радостно тянулся к зарядному устройству в руках Богоматери. Четыре микроаккумулятора торчали из разъемов зарядника, как лепестки цветка. Из рта Марии вылетали слова «Не хлебом одним! ОРЕОЛ-ТЕЛЕКОМ». Пафос композиции слегка сбивало выражение лица маленького Иисуса: его перенесли с картины Леонардо без изменений, и задумчивая, недетская гримаса не имела ничего общего с теми дебильно-счастливыми улыбками, какие обычно встречаешь на рекламных плакатах. «Мать, нас учат коммэрции», как бы говорило это хмурое лицо.

Светящаяся стрелка указывала вниз – здесь располагалось одно из отделений компании. Может быть, стоит зайти и хотя бы взглянуть, что представляет собой этот ОРЕОЛ, о котором я и мое чересчур самостоятельное виртуальное создание выдали одинаково мрачный прогноз?

Я перешел дорогу и уже подходил к двери, когда позади раздался топот, затем – удар и звон над головой. Я поднял голову. Оказалось, что рекламно-божественный младенец потерял ступню. Вместо нее в щите зияла дыра, и в дыре что-то двигалось. Я даже не сразу сообразил, что это пламя: языки огня перемешивались с голограммой, которая еще выступала из плоскости щита, но уже корежилась и оплывала. Да Винчи превращался в Дали.

Снова раздался топот, но потяжелей. Из дверей ОРЕОЛА выскочили два охранника и погнались за террористом. Худой, нескладный паренек бежал слишком прямо и слишком вяло. Обернувшись, он и сам понял, что догонят, выхватил из-за пазухи пачку листовок и бросил их в застывшую толпу.

Через пару минут все было кончено. Парня увели, поврежденный бомбой рекламный щит погасили, и праздная толпа снова потекла равномерными потоками по обеим сторонам проспекта. Я дошел до места, где валялись листовки, и поднял одну.

ХРИСТИАНСКАЯ АНТИКОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИГА (ХАЛ)

зовет тебя на борьбу с Дьяволом!

– говорилось в заголовке. Ниже шел текст мелким и почти старославянским шрифтом. Я пробежал его глазами – сначала история из Нового Завета о том, как дьявол искушал Христа в пустыне, затем абзац про то, что компьютерная реальность выдумана Антихристом, чтобы точно так же искушать человека. «В виртуальном мире все ненастоящее, это машина для распространения лжесвидетельств и бесовских наваждений!» – кричал листок. «Истинный Бог – не набор обманных картин виртуальности, которые сделаны людьми, как идолы. Истинный Бог реален, и его нет в киберпространстве, в этой вотчине Антихриста!» Дальше все повторялось на разные лады. Особое внимание уделялось личкам и другим электронным карточкам. При-

водился фрагмент Откровения Иоанна, согласно которому Антихрист должен всех пронумеровать своими числами.

Эта аллюзия, неоднократно встречавшаяся в текстах современных христианских луддитов, заставила меня улыбнуться: я невольно вспомнил, какое количество различных номеров, кодов и паролей появилось у меня за последние 20 лет. Их число не сократилось даже с введением электронных карточек-личек. Если Антихрист действительно работает такими методами, ему пора к психиатру. Ведь он не просто нумерует людей, а нумерует их растущим числом числовых последовательностей. Надо бы использовать эту идею в выступлениях Отца Тука, борца против тирании Русской Православной Церкви.

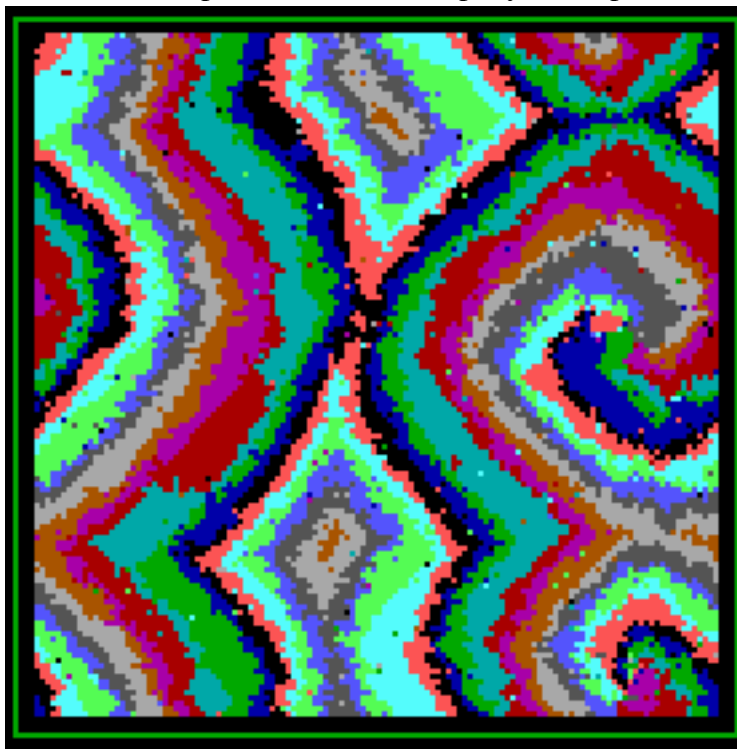
Заканчивалась листовка ХАЛа весьма лаконично: «Все в Храм!» На обороте был изображен мужик с известным дорожным знаком над головой. Качество печати оставляло желать лучшего – понятное дело, борцы с компьютерами не могут ими пользоваться. Поэтому я не сразу догадался, что висящее над мужиком круглое тело – вовсе не дорожный знак, а известное устройство «ореол», перечеркнутое крест-накрест.

Несмотря на неуклюжесть этой наглядной агитации, я ощутил сочувствие к парню, который поджег рекламную Мадонну и раскидал листовки. Я всегда немного завидовал религиозным людям. У них есть идеалы, есть иррациональная штука под названием вера, не особенно нуждающаяся в доказательствах. Они тратят свою энергию может и впустую, но целенаправленно. И у них есть сподвижники, которыми движет та же страсть, и потому возникают отношения братства, чего у меня никогда ни с кем не возникало. Может, потому вслед за Малюткой Джоном я и создал Тука?... К тому же в борьбе с личками как системой тотального электронного контроля я был явно не на стороне тех, кому нужен такой контроль.

Но стоит ли идти сейчас в ОРЕОЛ, не покажется ли это подозрительным? Я еще раз оглянулся по сторонам.

Впереди по другой стороне проспекта шла женщина. Дойдя до угла, она свернула направо, к «Горьковской», и пропала из вида. Где-то я видел эти рыжие волосы и зеленый плащ... Ах да, в «Тетрисе»! Я сунул листовку в карман и быстро, почти бегом, дошел до угла.

Незнакомка была на той стороне, она шла в сторону Зоопарка. Я двинулся за ней.

Клетка 7. Танец

Приезжий, решивший прогуляться без карты по центру Москвы или Праги, легко заблудится в течение первого же получаса. Две улицы, начинающиеся как параллельные прямые, метров через двести незаметно расходятся и ведут в противоположные концы города. Случайно выскочить на красивую площадь можно так же легко, как упереться в помойку.

Иное дело – прямоугольные города, где не подводит школьная геометрия. Манхэттен нарезан своими авеню на такие же аккуратные кубики, как Васильевский остров – своими линиями, и в обоих случаях знаешь, что свернуть четыре раза налево – все равно что никуда не ходить.

Но и эта прямоугольность обманчива, как обманчива нумерация страниц в книгах. Ведь иная книга так и норовит открыться не там, где закончил читать, а совсем в другом месте, то ли напоминая уже прочитанное, то ли показывая, что будет. И помимо расчерченной на квадраты земли, есть другие стихи города – они просто ждут, когда гуляющий отряхнется от прямоугольных мыслей и будет готов сыграть в классики посложнее школьных.

И когда он готов, они показывают ему свой гипертекст. Порыв ветра в Нью-Йорке кидает его из Азии в Европу – запах жареного риса из Чайна-тауна сменяется запахом пиццы из Маленькой Италии, отчего гуляющему вдруг приходит в голову выяснить, что находится между итальянским и китайским кварталами, потому что на карте Евразии между этими странами находится нечто огромное, как шестая часть суши, и загадочное, как душа его жителей. И если гуляющий будет упорным в своих поисках, он узнает, что в кривом зеркале Большого Яблока это «нечто огромное» отражено в виде Grand Street, Великой улицы – очень маленькой, безлюдной и заваленной мусором.

В городе на Неве прямоугольники разбивает вода. Стоит пройтись пять минут по набережной – и правильный лист бумаги в клеточку превращается то ли в кораблик, то ли просто в рисунок гуашью, где плавные линии и яркие краски делают сетку клеточек незаметной, и уже не так сильно хочется идти умирать на Васильевский остров.

Но кроме размеченной улицами земли и несущего запаха воздуха, кроме стачивающей гранит воды и манящих ночных огней, есть еще одна, самая загадочная стихия, определяющая нетривиальные городские маршруты.

Первый раз такое случилось со мной, когда мне было десять. Я хорошо запомнил тот день – пасмурное, типично питерское преддождевое небо, которое может висеть над головой таким перевернутым морем кефира целый день или целое лето. Мы с другим пацаном из нашего дома, Юркой, идем из молочного магазина. Мы собирались пойти на свалку, но меня послали за молоком. И вот я, выстояв длинную очередь, иду с полным пятилитровым бидоном обратно, а Юрка со мной, за компанию – во дворе все равно делать нечего. Мы идем и болтаем о новой проволоке для рогаток, которую Юрка нашел утром на автобазе. Эта новая проволока не гнется так легко, как та, что мы отыскали вчера, и рогатки выйдут на славу.

Вдруг Юрка спрашивает: «А куда это ты идешь?» Оказывается, мы свернули с дороги и идем не к моему дому, а совсем в другую сторону, по незнакомым дворам. А я еще тащу туда огромный бидон, который надо ведь отнести домой! Юрка кричит: «А-а, понял! Ты идешь вон за той девчонкой!» И я сам только в этот момент понимаю, что так и есть: я иду за девчонкой, которая стояла в очереди на два человека раньше меня, а теперь идет со своим бидоном домой впереди нас.

Потом такое случалось со мной многократно, и я сам над собой подсмеивался, понимая, что это уже привычка, что я не спешу с ними знакомиться, что мне доставляет удовольствие сама процедура преследования. В этом не было ничего общего со скромностью, застенчивостью или другими комплексами, не позволяющими подойти и познакомиться «в лоб». Скорее

наоборот: небывалая легкость знакомств и быстрый переход от одной банальной фазы общения к другой случались в моей жизни слишком часто, начисто сметая все удовольствия Неизвестности и Непредсказуемости.

В молодости мне нравился «Пикник на обочине», но слово «сталкер» вызывало особые ассоциации. Еще до прочтения романа я знал, что в современном американском это значит «преследователь». Причем именно такой, который идет по пятам за женщиной. И лишь во вторую очередь, по старому, основному значению – «ловчий, рыбак или искатель сокровищ». Поэтому и «Пикник» я читал как особую эротическую метафору.

С годами в моей игре стали определяться свои законы, и наиболее удивительным был Закон Второй Встречи. Преследование обычно заканчивалось тем, что понравившаяся мне незнакомка заходила в здание, садилась в транспорт или пропадала из вида в толпе, так что я не мог больше идти за ней. В некоторых таких случаях я словно заранее знал, что больше никогда не увижу свою «жертву» снова. Это знание появлялось сразу после расставания вместе с уколом особой грусти, которую ни с чем не спутать. И хотя это набоковское «чувство невыносимой утраты на день-два» проходило довольно быстро, я еще долго помнил своих незнакомок – как ту маленькую, в морковном пальто и с розой в руке, за стеклом отъезжающего троллейбуса на Лиговском.

Но бывало и по-другому. Расставаясь с той, за которой я наблюдал, я не чувствовал грусти, хотя эта незнакомка нравилась мне не меньше других. И в таких случаях мы обязательно встречались еще раз, причем между первой и второй встречами проходило совсем немного времени. И во второй раз я уже знакомился по полной программе, узнавал телефон и прочие координаты, по которым ее можно найти. Так однажды я прошел несколько залов Эрмитажа вслед за симпатичной длинноногой блондинкой. Потом она резко свернула, и я больше не видел ее в музее – но вечером на Балтийском она вошла в вагон электрички и села напротив меня.

Так же было и с Ритой. Я увидел ее на концерте в «Октябрьском», и потеряв из виду, совсем не расстроился. Через три дня мы с ней одновременно вышли покурить на пожарную лестницу в общежитии, куда я заехал в гости к приятелю.

Несомненно, сейчас был как раз такой случай, и незнакомка из «Тетриса» снова была здесь, в сотне шагов впереди. Она двигалась «против стрелки вокруг шпильки» – классический прогулочный маршрут, когда шпиль Петропавловки всю дорогу стоит за левым плечом, но постепенно оказывается все дальше и дальше. На карте этот путь – метро «Горьковская», Кронверкский проспект, Биржевой мост, Стрелка, Дворцовый мост и дальше – выглядит как раскручивающаяся спираль. Это настолько противоречит общей прямоугольной природе здешней планировки, что и сам город на карте, где нарисован этот маршрут, оказывается похожим на огромное ухо.

Когда рыжеволосая в зеленом плаще прошла под Ростральной колонной с алым пламенем, мне показалось, что она хочет свернуть на Университетскую. Но она не свернула и вышла на мост, продолжая движение «вокруг шпильки», как бабочка вокруг лампы.

Начинало темнеть. Ангел, насаженный на острие Петропавловки, давно превратился из сияюще-золотого в бледно-бронзового, а незнакомка шла все так же не спеша, словно прогуливалась без определенной цели. Я перешел вслед за нею мост и слегка задержался на углу Дворцовой, чтоб не идти слишком близко на открытом месте. А когда она скрылась под аркой Главного Штаба, побежал.

И не зря. Площадь была полна людей, которые не считали, что перед каждым пожилым бегуном надо немедленно расступаться. Навстречу пронеслась стайка юнцов на мотороликах, чуть не сбив меня с ног. Торчащие из шлемов зеркальца заднего вида придавали им сходство с насекомыми, а странный общий ритм, в котором двигались молодые люди, позволял пред-

положить, что в голове у каждого – запрещенный MTV-чип и полное равнодушие к пожилым бегунам.

Ближе к центру толпа стала еще гуще. В воздухе летали разноцветные волны и странные фигуры, напоминающие куски лимонного желе. В последнее время на площади постоянно что-то отмечали. Вот и сегодня, судя по толпам, был праздник – то ли «День военно-морской кухни», то ли еще нечто столь же судьбоносное. На разборной сцене перед дворцом кривлялась пара артистов, скорее всего ненастоящих. «Идоры», как сказал бы Гибсон, если бы писал свою «Idoru» по-русски. Впрочем, издалека они выглядели вполне живыми. Но петь такими идорастическими голосами живые люди могут только в том случае, если они постоянно вдыхают гелий. А когда звук неживой, то и изображение, скорее всего, тоже: с появлением голографических проекций высокого разрешения практически все поющие «под фанеру» перешли и на танцы «под голяк».

Я пробежал через Арку, едва увернувшись от очередной ноги с мотороликом, и снова заметил рыжеволосую – она уже выходила на Невский. А что если она так целый день будет бродить? В моем возрасте долго не побегаешь. Впрочем, я же сам собирался заниматься именно таким блужданием. И похоже, мой свободный поиск уже привел меня к нужному знаку. Только знак этот движется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.